

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

ДЖЕННИФЕР ДОННЕЛЛИ

СЕСТРИЦА

ПОМНИ: СХОДИТЬ С ТРОПЫ ОПАСНО.
НО КУДА ОПАСНЕЕ НЕ СХОДИТЬ.

The Big Book

Дженнифер Доннелли

Сестрица

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Доннелли Д.

Сестрица / Д. Доннелли — «Азбука-Аттикус», 2019 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-18184-7

Впервые на русском – новейшая книга Дженнифер Доннелли, автора «Чайной розы» и «Саги воды и пламени», лауреата Медали Карнеги. Однажды Изабель и Октавия заперли на чердаке свою сводную сестру Эллу-Синдереллу-Золушку и чуть не костями легли, чтобы влезть в хрустальную туфельку. Все мы знаем, чем это кончилось. Теперь же три Судьбы – дева, мать и старуха – пером из крыла черного лебедя чертят бесценные карты, каждая из которых заключает в себе человеческую жизнь. Но тут Риск, он же Азарт, он же Шанс, смуглокожий и янтарноглазый, похищает карту Изабель. Он верит, что Изабель найдет в себе силы переломить предначертанное и вершить свою судьбу сама. Ведь даже злой сестрице надо дать шанс исправиться... «Перед нами история братьев Гримм, пересказанная языком не Уолта Диснея, но Нила Геймана. Достойный игрок на поле, где раньше блистала одна лишь „Звездная пыль“» (Wellesley Books).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18184-7

© Доннелли Д., 2019

© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	33
Глава 15	35
Глава 16	37
Глава 17	39
Глава 18	41
Глава 19	45
Глава 20	47
Глава 21	50
Глава 22	52
Глава 23	53
Глава 24	54
Глава 25	56
Глава 26	58
Глава 27	60
Глава 28	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дженнифер Доннелли

Сестрица

Каждому, кто хотя бы раз чувствовал себя недостаточным

© Н. В. Маслова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Это мрачная сказка. Страшная сказка.

Она из других времен, когда волки еще подстерегали девушек в лесах, чудовища бродили по коридорам зачарованных замков, а ведьмы выглядывали в окошки пряничных домиков с сахарными крышами.

Те времена прошли.

Но волки по-прежнему здесь и стали даже хитрее, чем раньше. Чудовища тоже никуда не девались. И смерть все так же любит прикинуться доброй.

Плохо той девушке, которая потеряет дорогу.

Еще хуже той, которая потеряет себя.

Помни: сходить с тропы опасно.

Но куда опаснее не сходить.

Пролог

Как-то раз и еще много раз в древнем городе на берегу моря трудились при свечах три сестры.

Первая была девой. Кудри цвета утренней зари свободно падали ей на спину. Нитка жемчуга, белого, как ее платье, обвивала шею. Тонкие пальцы сжимали золотые ножницы, которыми она резала на полосы тончайший пергамент.

Вторая, мать, сильная и обильная телом, носила малиновое платье. Рубины сверкали вокруг ее шеи. Заплетенные в косы рыжие волосы пламенели, как летний закат. В руке она держала серебряный компас.

А третья была старухой, согбенной и опытной. Она ходила в черном; кольцо из обсидиана с печаткой-черепом темнело на ее руке. Седые как лунь волосы она укладывала вокруг головы. И не выпускала пера из скрюченных, испачканных чернилами пальцев.

Глаза старухи, как и глаза двух ее сестер, были серыми, холодными и неумолимыми, словно море.

Вдруг ударил гром, и старуха, сидевшая за длинным деревянным столом у распахнутой настежь балконной двери, подняла голову от работы. Над городом бесновалась гроза. Струи дождя хлестали по крышам дворцов. Молнии раскалывали ночь. На каждой церковной колокольне били в набат.

– Вода поднимается, – сказала старуха. – В городе будет наводнение.

– Мы высоко. Воде до нас не добраться. Она нам не помешает, – отозвалась мать.

– Нам ничто не может помешать, – добавила дева.

Старуха прищурилась:

– Кроме него.

– Наши слуги бдительны, – сказала мать. – Он не войдет.

– Может быть, он уже здесь, – возразила старуха.

При этих словах мать и дева тоже подняли головы. Обе внимательно оглядели комнату, огромную и полутемную, словно пещера, но не увидели никого, кроме темных фигур в плащах с низко надвинутыми капюшонами: это слуги бесшумно сновали, занимаясь своим делом. Успокоенные, сестры вернулись к работе, но старуха не теряла бдительности.

Три сестры жили тем, что чертили карты, вот только покупателей на них никогда не находилось – товар был бесценным.

Каждая линия была безупречно прочерчена пером из крыла черного лебедя.

Пространства меж линиями заполняли чернила тончайших оттенков – смесь индиго, золота, толченого жемчуга и других вещей, раздобыть которые куда труднее.

Мерой каждой карты было не пространство, но время, ибо каждая заключала в себе человеческую жизнь.

– Розы, ром, разруха, – проворчала, принюхиваясь, старая карга. – Или вы не чуете? Чуете его?

– Это всего лишь ветер, – успокоила ее мать. – Доносит запахи города.

Продолжая ворчать, старуха обмакнула перо в чернильницу и поднесла его к пергаменту. Она вела линию чьей-то жизни, а рядом, на ветвях серебряного канделябра, дрожали огненные язычки свечей. Они отражались в блестящих глазах черного как уголь ворона, сидевшего на каминной полке. У стены стояли напольные часы в футляре черного дерева. Маятник, под весом которого служил человеческий череп, раскачивался влево и вправо, отмеряя секунды, часы, годы, жизни.

В плане комната напоминала паука. Рабочее пространство сестер в центре было его телом. От него в разные стороны тянулись проходы между шкафами – ноги. С балкона в комнату вели стеклянные двери, напротив них высились резные деревянные.

Карга закончила карту. Поднесла к свече палочку красного воска, нагрела, затем приложила к нижней части карты и поставила на красной кляксе оттиск своей печати. Когда печать застыла, она свернула карту, перевязала черной ленточкой и подала слуге. Тот скрылся в одном из проходов, чтобы положить карту на полку.

Тогда все и случилось.

Другой слуга, склонив голову, скользнул между старухой и распахнутой дверью за ее спиной. С балкона ворвался порыв ветра, и в комнате остро запахло дымом и специями. Старуха раздула ноздри. И стремительно обернулась.

– Ты здесь! – воскликнула она, бросаясь к слуге, вцепилась в его капюшон похожей на клешню рукой. Капюшон упал, и все увидели юношу с янтарными глазами, смуглой кожей и длинными черными кудрями. – Схватите его! – прошипела старуха.

Дюжина слуг разом кинулась на него, но, пока они окружали юношу, новый порыв ветра задул все свечи. Двери закрыли, свечи зажгли заново, но пришлеца уже и след простыл, только плащ растекся на полу черной лужей.

Старуха взволнованными шагами мерила комнату, покрикивая на слуг. Те носились между шкафами в поисках незваного гостя, черные плащи развевались, точно крылья. Вдруг он выскочил откуда-то из-за полка, но тут же затормозил, едва не наткнувшись на старуху. Метнулся к деревянной двери, рванул на себя ручку – заперто. Ругнувшись вполголоса, он обернулся к трем сестрам – лицо мгновенно осветилось улыбкой – и отвесил поклон.

Но сестер не тронула его красота. Одна за другой, они заговорили.

– Случай, – прошипела дева.

– Риск, – выплюнула мать.

– Азарт, – каркнула карга.

– Я предпочитаю «Шанс». Звучит приятнее, – ответил юноша и подмигнул.

– Давно ты не наносил нам визита, – сказала старуха.

– Да, надо бы почаще бывать у вас, – отозвался Шанс. – Всегда приятно навестить сестричек Судеб. Вы такие непосредственные, свободные и непредсказуемые. К вам идешь как на праздник. Да что там, как на вакханалию. Так. Здесь. Весело.

Из-за шкафов высыпали слуги, красные и запыхавшиеся. Шанс выхватил из ножен кинжал. Сверкнул клинок. Слуги попятились.

– Чью карту ты похитил на этот раз? – спросила старуха. – Кто молит тебя о содействии? Полководец? Императрица?

Не опуская кинжала, Шанс свободной рукой вытянул из-под плаща карту. Зубами развязал ленточку и встряхнул пергамент. Свиток развернулся, и Шанс показал его трем женщинам. Те пригляделись, и было видно, как их гнев уступает место недоумению.

– Я вижу дом под названием Мезон-Дулёр¹ в деревне Сен-Мишель², – сказала старуха.

– Там живет... – подхватила матрона.

– Одна девушка. Изабель де ла Поме³, – закончила старуха.

– А кто это? – спросила дева.

¹ Maison Douleur – дом скорби (фр.).

² Saint-Michel – святой Михаил (фр.), считающийся покровителем Франции. По преданию, являлся Жанне д'Арк и помогал ей в освобождении страны. Орден Святого Михаила стал первым французским орденом.

³ Paumé – изгой (фр.).

– И вся эта суета из-за простой девчонки? – спросила карга, пристально глядя на Шанса. – Она же никто, ничего из себя не представляет. Ни красоты, ни ума. Зато себялюбивая. И злая. На что она тебе?

– Она – это вызов для меня, а я не могу оставить вызов без ответа, – сказал Шанс. Прижав пергамент к груди, он ловко скатал его одной рукой и сунул под плащ. – И потом, какая девушка устоит перед тем, что я ей предложу? – Он ткнул себя в грудь с таким видом, словно не переставал дивиться собственной неотразимости. – Я дам ей возможность изменить путь, начертанный для нее судьбой. И шанс проложить свой собственный.

– Глупец, – сказала старуха. – Ты ничего не понимаешь в смертных. Мы, Судьбы, прокладываем для них путь потому, что они сами этого хотят. Смертные не терпят неопределенности. Не любят новизны. Все новое пугает. Причиняет боль.

– Новизна – это как поцелуй во мраке. Роза в снегу. Неведомая дорога в темной ночи, – возразил Шанс.

– Мрак скрывает чудовищ. Снег убивает цветы. А на неведомых дорогах без вести пропадают девушки, – парировала карга.

Но Шанс не отступал. Сунув кинжал в ножны, он вытянул вперед руку. На ладони, точно по волшебству, сверкнула золотая монета.

– Предлагаю пари, – сказал он.

– Не искушай меня, – громыхнула Судьба, и ярость затмила ее лицо, словно туча.

Шанс подбросил монету. Судьба поймала ее в воздухе и со звоном швырнула на стол.

Гроза разразилась.

– Думаешь, этот жалкий золотой кругляш стоит того, что ты выпустил на волю? – взревела она. – Война опустошает Францию. Смерть пожинает невиданный урожай. Королевство трещит по всем швам. И все из-за тебя!

Улыбка Шанса померкла. Но уже через пару секунд к нему возвратился огневой задор.

– Я все поправлю. Клянусь.

– Чем – картой девчонки?

– Когда-то она была смелой. И доброй.

– Твоя голова так же пуста, как твои обещания, – сказала Судьба. – Разверни карту. Посмотри внимательно. И ты увидишь, что ее ждет.

Шанс так и сделал. Проследил по пергаменту путь девушки. И охнул, увидев его конец... царапины, кляксы, даже какие-то зарубки. Он поднял глаза на старуху:

– Такой конец... это же не... этого не может быть...

– Ты все еще думаешь, что сможешь его изменить? – насмешливо спросила Судьба.

Шанс вскинул голову и шагнул к ней:

– Хорошо, я повышаю ставку. Если я проиграю это пари, то навеки лишусь права переступать порог вашего палаццо.

– А если проиграю я?

– Ты оставишь мне карту этой девушки. И позволишь ей самой творить свою судьбу.

– Такая ставка мне не подходит, – сказала Судьба.

Она взмахнула рукой, и по ее знаку слуги, которые давно уже потихоньку окружали Шанса, бросились на него. Кое у кого в руках сверкнули кинжалы. У Шанса не было шансов. По крайней мере, так казалось.

– Тебе не удастся скрыться. Верни мне карту, – сказала старуха и протянула руку.

– Надежда остается всегда, – сказал Шанс и сунул карту за пазуху.

Сделав пару пружинистых шагов, он подпрыгнул, закрутил в воздухе сальто и вырвался из кольца слуг, пролетев прямо у них над головами. С точностью кошки приземлился обеими ногами на стол и побежал. На другом конце он соскочил и припустил к балкону.

– Вот ты и попался, мошенник! – каркнула ему вслед старуха. – Здесь третий этаж! Куда ты денешься? Через канал сиганешь? На это даже твоей удачи не хватит!

Шанс уже распахнул балконную дверь и вспрыгнул на перила. Дождь кончился, но мрамор влажно блестел у него под ногами. Шанс качнулся. Замолотил руками по воздуху. И когда уже казалось, что падения не миновать, он все же поймал равновесие, стоя на носках.

– Карту. Живо, – потребовала карга.

Она уже вышла на балкон и приближалась к Шансу. За ней шли сестры.

Шанс оглянулся на Судеб. И прыгнул. Старуха ахнула. Поспешив к перилам, она уставилась вниз, в бурные воды канала. Сестры последовали за ней.

Женщины ожидали увидеть, как он борется со стихией. Но ничего подобного. Привольно раскинувшись, Шанс проплывал под ними на навесе какой-то гондолы. Ее, правда, раскачивало из стороны в сторону, но Шанса это нисколько не смущало.

– Гребь, мой друг, гребь! – крикнул он гондольеру. Тот подчинился. И они поплыли дальше.

Шанс сел и устремил на Судеб пронзительный взгляд сверкающих глаз.

– Придется принять мою ставку! У тебя нет выбора! – крикнул он.

Гондола все уменьшалась, удаляясь. Еще миг, и она скрылась за поворотом.

– Плохо дело, – мрачно сказала старуха. – Нельзя позволять смертным самим вершить свою судьбу. Это чревато катастрофой.

Матрона и дева вернулись в комнату, а за ними и карга.

– Соберите сундук, – бросила она слугам. – Положите перья и чернила... – Ее пальцы заскользили по бутылочкам на столе. И остановились на одной, черной как уголь. – «Страх», да. «Зависть», пожалуй, тоже, – добавила она, протягивая руку за второй, ядовито-зеленой.

– Куда ты? – спросила ее дева.

– В деревню Сен-Мишель, – отвечала старуха.

– Чтобы не дать Шансу найти девчонку? – догадалась мать.

Мрачная улыбка скользнула по лицу старухи.

– Нет, это не в моей власти. Но я поступлю так, как обычно поступаем мы, Судьбы. Я помешаю девчонке ухватить шанс.

Глава 1

В кухне большого дома сидела девушка с ножом в руке.

Звали ее Изабель. Она была некрасива.

Лезвие ножа она держала в пламени кухонного очага, чтобы прокалить его. За спиной девушки на стуле полулежала ее сестра, Октавия.

Лицо Октавии было бледным как смерть. Глаза закрыты. Чулок на правой ступне, когда-то белый, теперь покраснел от крови. Адели, старая нянька двух сестер, стянула его с ноги и ахнула. У Октавии не было пятки. На ее месте зияла безобразная рана, из которой капала кровь, собираясь в лужу на полу. Октавия, как ни старалась, не смогла сдержать стон.

– Тише, Тави! – прикрикнула на нее Маман. – Принц услышит! Если ты упустила свой шанс, не отнимай его у сестры.

Маман приходилась матерью обеим девицам. Она стояла у раковины и смывала кровь с хрустальной туфельки.

Принц приехал к ним в поисках хозяйки этой туфельки. Три дня назад на костюмированном балу он всю ночь протанцевал с прекрасной девушкой, в которую влюбился, но едва пробило полночь, красotka сбежала, обронив по дороге хрустальную туфельку. И тогда он поклялся, что женится на той девушке, которой туфелька придется впору. Только на ней, и ни на ком больше.

Маман решила, что этой девушкой будет ее дочь – не одна, так другая. Принца и его свиту она встретила в передней и, опустившись в низком реверансе, попросила, чтобы ее дочерям, Изабель и Октавии, позволили примерить туфельку приватно, снисходя к их девичьей скромности. Принц согласился. Великий герцог двумя руками протянул ей бархатную подушку. Маман, также двумя руками, сняла с нее туфельку и понесла в кухню. Дочери последовали за ней.

– Зря мы не прокалили лезвие для Тави, – беспокоилась теперь мать. – И почему мы не догадались? Горячий металл прижигает мелкие сосуды. И крови меньше. Ну ладно. Зато тебе, Изабель, будет легче.

Изабель слотнула.

– Но, Маман, как же я буду ходить? – тихо спросила она.

– Глупышка! Ты будешь ездить. В золотой карете. А слуги будут на руках вносить тебя в нее и выносить наружу.

Пламя лизало серебристое лезвие, которое покраснело от жара. Глаза Изабель расширились от страха. У нее мелькнула мысль о жеребце, которого она когда-то любила и потеряла.

– Но, Маман, как же я буду скакать по лесам галопом?

– Настала пора отложить детские забавы, – сказала Маман, обсушивая туфельку. – Я разорилась в поисках женихов для тебя и твоей сестры. Нарядные платья и драгоценности стоили мне целого состояния. Хорошо выйти замуж – вот цель любой девушки, а какая партия может быть лучше, чем брак с наследником французского престола?

– Я не смогу, – прошептала Изабель. – У меня не получится.

Маман поставила туфельку, шагнула к очагу, обхватила лицо дочери обеими ладонями и повернула его к себе:

– Слушай меня, девочка, и слушай внимательно. Любовь – это боль. Любовь – это страдание. И чем скорее ты это усвоишь, тем лучше для тебя.

Изабель зажмурилась. Помотала головой.

Маман выпустила ее лицо. Помолчала. Когда она заговорила снова, ее голос звучал холодно, но слова обжигали, точно кипятки.

– Ты некрасивая, Изабель. Лицо у тебя простое. Круглое, как клетка. Колченогий сын школьного учителя и тот не захотел взять тебя в жены. А сейчас по ту сторону кухонной двери тебя ждет принц, Изабель, – настоящий принц, – и чтобы выйти за него замуж, тебе нужно лишь отрезать себе несколько пальцев. Не на руке, заметь, на ноге, всего пару бесполезных пальцев...

Стыд в умелых руках Маман был как кинжал в руках наемного убийцы – он поражал жертву прямо в сердце. Вот и теперь она победит; она всегда побеждает. Изабель это знала. Разве ей впервой кромсать себя по требованию Маман? Сначала она отрезала от себя ту часть, которая слишком громко смеялась. Потом ту, которая галопом носилась по полям и перескакивала через изгороди. И ту, которая за столом всегда хотела добавки, просила соуса побольше, кусок пирога потолще, тоже пришлось отрезать.

«Если я выйду замуж за принца, то стану принцессой, – думала Изабель. – А когда-нибудь – королевой. И тогда никто не посмеет назвать меня некрасивой».

И она открыла глаза.

– Вот умница. Ну же, смелее. И не тyani, – сказала Маман. – Режь по суставам.

Изабель вынула из пламени нож.

Усилием воли она прогнала из головы все прочие мысли.

Глава 2

С мизинцем пришлось повозиться.

И неудивительно. Мелочи порой ранят особенно сильно – холодный взгляд, резкое слово, смех, который стихает, едва тыходишь в комнату.

– Ну же, давай, – торопила ее Маман. – Подумай о том, что мы получаем: ты – принца, а Тави, может быть, герцога. У нас будут собственные покои во дворце!

В голосе матери Изабель слышала отчаяние. Она знала, что портной отказал им в кредите и что мясник прислал мальчишку с кипой просроченных счетов. Крепче стиснув рукоятку ножа, она завершила начатое.

Боль ослепляла, запах паленой плоти и вид собственных пальцев, которые лежали теперь у очага, были столь омерзительны, что Изабель наверняка потеряла бы сознание, не подоспей Адели с нежными руками и словами утешения.

Принесли большой моток ваты. Свежий белый чулок. Бренди. И хрустальную туфельку.

Маман подала ей туфлю.

– Надевай. Живо, – сказала она.

Изабель взяла туфельку. Та оказалась тяжелой и холодной на ощупь. Сунув в нее ногу, она почувствовала, как боль, точно хищный зверек, тут же впиалась в нее острыми зубами. Жаркой волной она прокатилась по ее ноге вверх и охватила все тело: Изабель показалось, будто ее едят живьем. Кровь отхлынула от ее лица. Девушка закрыла глаза и обеими руками вцепилась в подлокотники кресла.

И все же по первому требованию Маман Изабель поднялась с кресла. Открыла глаза, сделала глубокий вдох и встала на обе ноги.

Она смогла совершить немыслимое потому, что у нее был особый дар, куда более ценный, чем смазливое личико или маленькие ножки.

У Изабель была сильная воля.

Она понятия не имела о том, как это хорошо для девушки – иметь сильную волю, ведь все вокруг твердили ей, что это ужасно. Говорили, что своевольную девицу ждет плохой конец. Что ей положено смирять свою волю перед теми, кто знает, что для нее хорошо, а что нет.

Изабель была еще очень молода, всего-то шестнадцать лет; и еще не успела понять, что ее окружают дураки.

Глава 3

Каждый шаг был мукой.

Одолевая коридор, который вел из кухни в переднюю, Изабель вздрогнула и остановилась. Она услышала тонкий, пронзительный вой. Неужели это она?

– Это Элла, – мрачно сказала Маман. – Пospеши, Изабель. Надо покончить с этим делом. Вдруг принц ее услышит?

Когда принц уже подъезжал к их дому, Изабель сама заперла Эллу на чердаке. Та плакала. Умоляла Изабель выпустить ее. Ей тоже хотелось взглянуть на принца. И примерить хрустальную туфельку.

– Не смей меня, – ответила ей тогда Изабель. – Ты ведь даже на балу не была. Только осрамишь нас своими лохмотьями.

Она поступила жестоко. И поняла это сразу, как только повернула в замке ключ. Но и это ее не остановило. Ее вообще уже ничто не могло остановить. «Господи, в кого я превратилась?» – спросила она себя, услышав новый приглушенный взрыв плача.

Маман внимательно смотрела на нее, так внимательно, что Изабель показалось, будто та видит ее насквозь.

– Поди, Изабель, выпусти ее, – сказала мать. – Принц только взглянет на нее и сразу влюбится, как все мужчины, которым она попадалась на глаза. Только реши сначала, чего ты хочешь – быть доброй или выйти замуж за принца?

Изабель попыталась найти ответ на этот вопрос, но не смогла. Маман всегда ставила ее перед таким выбором, который был ей по душе не больше, чем эта дурацкая туфелька – по ноге. Вдруг перед ее глазами встало воспоминание, картинка из далекого прошлого. Она, Тави и Элла играли под раскидистой старой липой у дома.

Во двор въехала карета. Из нее вышли двое мужчин – это были партнеры отца Эллы, отчима Тави и Изабель. Будучи людьми добродушными и хорошо воспитанными, они остановились поболтать с девочками, но то, что произошло тогда под липой, изменило всю жизнь трех сестер.

Изабель пожалела, что в прошлое нет дороги. Вот бы прекратить то, чему был дан ход в тот день, – но как, она не знала.

Да и вообще, слишком поздно.

«Кто настроил нас друг против друга, Элла? – подумала она. – Те люди? Маман? Или весь этот жестокий, бессердечный мир?»

Глава 4

– Переноси вес тела на пятку. Будет не так больно, – посоветовала Маман. – Ну, давай. Иди.

Несколькими щипками она вернула цвет щекам Изабель, и они вместе продолжили путь по коридору.

Принц, великий герцог и сопровождавшие их солдаты ждали ее в передней. Изабель знала: она должна одержать победу там, где не преуспела сестра.

Тави поначалу тоже всех обманула, но, когда она вышла из дома и пошла к экипажу принца, пятка начала кровоточить так сильно, что по земле потянулась цепочка карминно-красных следов.

Правда, всеобщее ликование было так велико, что их даже не заметили, но когда Тави поравнялась с экипажем, из кроны могучей липы выпорхнула белая голубка. Опустившись на плечо принца, она запела:

Кровь на земле! Туфля в крови!
Лживое сердце не знает любви!

Принц даже побледнел, увидев столько крови. Великий герцог – худощавый, похожий на волка человек – пришел в ярость, увидев, как обманули его господина. Он потребовал, чтобы Маман вернула туфельку, но та отказалась. И заявила, что Изабель тоже имеет право на примерку, ведь принц объявил в своем указе, что примерить хрустальную туфельку может каждая незамужняя девушка королевства.

– Готова? – шепнула Изабель мать, когда они подошли к вестибюлю.

Изабель кивнула и сделала шаг навстречу принцу. Она видела его на балу, но лишь издали, а сегодня, едва он подъехал к дому, Маман поспешно спровадила Изабель на кухню.

Теперь, когда их разделяли всего несколько локтей, она разглядела, что глаза у него голубые, как небо в летний погожий день, а в светлых волосах – длинных, свободно спадавших ему на плечи – вспыхивали золотистые прядки. Он был высок ростом и широк в плечах. На щеках играл румянец.

Глядя на него, Изабель забыла про свои пальцы, про боль в ноге, даже свое имя и то забыла. Просто стояла и смотрела на него как громом пораженная. Так он был красив.

Принц тоже не говорил ни слова. Он изучал Изабель молча, измеряя взглядом каждую плоскость и каждый изгиб ее лица.

– Ах, вы видите? Он узнал ту, в которую влюблен с первого взгляда! – промурлыкала Маман.

Изабель даже съежилась, так ее кольнула материнская ложь. На том балу все были в масках, прикрывавших верхнюю половину лица. Она прекрасно понимала, чем был занят принц: изучал рисунок губ, линию щек и подбородка, ища в них сходство с чертами той, которую любил.

И напрасно, ее здесь не было.

Глава 5

Изабель с принцем еще долго смотрели друг на друга. Обоим было неловко. Оба молчали. Пока не вмешалась Маман.

– Ваша светлость, – заговорила она и опустила в реверансе, потянув за руку дочь, чтобы и она сделала то же самое. – Моя младшая дочь – та, кого вы ищете. Хрустальная туфелька подходит ей идеально.

– Надеюсь, что вы совершенно уверены в этом, мадам, – предостерег великий герцог. – Вряд ли вторая попытка одурачить его высочество вызовет у него благосклонное отношение. Маман склонила голову.

– Пожалуйста, простите Октавию, – сказала она принцу. – Она вовсе не обманщица. И виновата лишь в том, что любовь к вам вскружила ей голову. Да и какая девушка на ее месте испытывала бы иные чувства?

Принц залился краской, услышав ее слова. Однако герцог оставался спокоен.

– Вы позволите нам увидеть туфельку? – нетерпеливо попросил он.

Изабель и Маман выпрямились. Поднимая подол платья, Изабель почувствовала, как от страха желудок завязался у нее узлом. Все взгляды устремились на ее ногу. К ее огромному облегчению, крови не было. Чулок оставался белым как снег, а вата, которую Адели затолкала в носок чулка, продолжала держать форму. Туфелька сверкала голубоватыми искрами.

– Подошла, – тусклым голосом сказал принц.

Великий герцог и солдаты склонились перед Изабель.

– Да здравствует принцесса! – крикнул какой-то капитан.

– Да здравствует принцесса! – подхватили остальные.

В воздух полетели шляпы. Раздались радостные крики. Изабель медленно поворачивалась вокруг себя, ошеломленная. В кои-то веки все восхищались ею, а не Эллой. В кои-то веки она могла стоять, гордо расправив плечи, и ощущать себя могущественной и желанной. Минуту назад она была недостаточно хороша даже для колченогого сынка директора школы, теперь же станет принцессой.

– Пора отправляться во дворец, мадемуазель, – деревянно улыбнулся ей принц. – Нужно подготовиться к свадьбе.

Он отвесил ей короткий поклон, развернулся и пошел к двери, и Изабель сразу заметила, как поникли его сильные плечи, как свет ушел из прекрасных глаз.

«Принц любит другую; он жаждет ее всей душой, – подумала она. – Если я доведу это дело до конца, то получу пленника, а не мужа».

От мысли о том, чего она якобы хотела, ей стало тошно. Так тошно ей было лишь раз в жизни, в детстве, когда Адели испекла целый противень крошечных печений с вишней и оставила их остывать, а Изабель прокралась на кухню и съела все до единого.

Она повернулась к матери, и слова «не бывать этому» уже были готовы сорваться с ее губ, когда она увидела, что мать улыбается. Маман смотрела на нее и сияла от счастья. Несколько драгоценных секунд Изабель наслаждалась теплом этой улыбки. Ведь она видела ее так редко.

– Я горжусь тобой, детка, – сказала Маман. – Ты спасла нас от полного разорения. Теперь я смогу продать этот унылый дом, заплатить все наши долги и забыть прошлую жизнь как страшный сон.

Все протесты Изабель замерли у нее в горле. Конечно, разбить сердце принцу – ужасная вещь, но разбить сердце матери – куда страшнее. Ни на миг она не задумалась о том, чего хочет ее собственное сердце, ибо желания девушки не имеют никакого значения.

Взяв Изабель за руку, Маман стала спускаться с ней по ступенькам каменного крыльца, от парадной двери дома к усыпанной гравием подъездной дорожке. Изабель увидела золоченую

карету, запряженную восьмеркой лошадей. Принц и великий герцог, поглощенные беседой, стояли рядом с каретой и ждали ее.

Глубокие морщины прорезали лоб принца. Тревога затуманила взгляд. Как и все вокруг, Изабель знала, что отец принца, король, тяжело болен и что герцог из соседней страны, Фолькмар фон Брук, чуя скорую поживу, перешел северную границу королевства и жестоко разорял деревни и города.

Маман обняла Изабель, пообещав, что они с Тави последуют за ней во дворец, как только смогут. Изабель, словно во сне, пошла к экипажу, но во время спуска ей пришлось поставить раненую ногу на полную ступню. Где-то на середине лестницы открылось кровотечение. Что-то теплое и мокрое стало заполнять чулок. Когда она добралась до последней ступеньки, чулок насквозь пропитался кровью.

Над ее головой, в кроне большой липы, зашелестели листья.

Глава 6

Десять шагов до экипажа. Семь. Пять.

Солдат распахнул дверцу. Изабель смотрела прямо перед собой. Принц и великий герцог, по-прежнему поглощенные беседой, не обращали на нее внимания. Вот и хорошо. Значит, у нее все получится. Она ведь уже почти дошла. Осталось всего несколько шагов. Три... два... один...

И тут она услышала его – хлопанье голубиных крыльев.

Белая голубка слетела с липы и закружила над Изабель. Маман, наблюдавшая за дочерью с порога, подбежала к ней и стала отгонять птицу, но не тут-то было. Порхая вокруг Изабель, птица запела:

Кровь на земле! Туфля в крови!
Лживой девчонке не до любви!

Принц прекратил разговор. Взглянул сначала на птицу, потом на Изабель. Перевел взгляд на подол ее платья, где уже появились пятна крови, и, наконец, на следы, которые она оставила на земле.

Изабель вынула ногу из туфельки и отступила на шаг. Туфелька опрокинулась, кровь выплеснулась в грязь. Передняя часть чулка сделалась красной. Девушку обуял стыд.

– Ты отрезала себе пальцы, – проговорил принц, недоверчиво качая головой.

Изабель кивнула – теперь ей было не только стыдно, но и страшно. Она обманула принца. Один Бог знает, как он ей отомстит. До нее доходили мрачные истории о подземных казематах дворца и о головах, отрубленных и насаженных на пики. Неужели эта судьба ждет и ее?

Но принц не спешил отдавать солдатам приказ. Его взгляд выражал не гнев, а печаль. И еще то, чего Изабель никак не ожидала в нем увидеть, – доброту.

– Как же ты выдержала эту боль? – спросил он.

Изабель опустила глаза. Слова Маман, сказанные недавно, вернулись к ней и обожгли, как огнем.

«Некрасивая... лицо как клетка...»

– Ничего, я привыкла, – ответила она.

Брови принца сошлись к переносице.

– Я не понимаю.

Изабель подняла голову. Взглянула ему в лицо, такое красивое, что девушки наверняка обмирали по нему пачками.

– Конечно нет, – сказала она. – И не поймете.

Тут к ним подошел великий герцог, чьи глаза сверкали яростью.

– Я знаю немало понюхавших порошу солдат, которые никогда не отважились бы на такое, мадемуазель, – сказал он Изабель. И тут же повернулся к принцу. – От девицы, способной на такой поступок, сир, можно ждать всего. Это естественно. Она неуравновешенна. Опасна. – Жестом он подозвал двоих солдат. – Взять ее.

Сердце Изабель подскочило от ужаса, когда двое мужчин двинулись к ней, но принц остановил их.

– Оставьте ее, – приказал он и взмахнул рукой.

– Но, ваше высочество, вы же не оставите второй обман без наказания, – возразил великий герцог. – Один – уже наглость, но два...

– Я сказал, оставьте ее. Она своей рукой нанесла себе увечье. Что еще я могу ей сделать? Великий герцог отрывисто поклонился. И тут же повернулся к Маман:

– Не найдется ли у вас еще дочери, готовой отрезать от себя что угодно, лишь бы заполучить принца в мужа?

– Нет, – горько ответила Маман. – Других дочерей у меня нет.

– В таком случае нам пора, – сказал герцог. – Доброго вам дня, мадам.

Посреди подъездной дорожки журчал небольшой фонтан. Пока принц садился в экипаж, великий герцог, все еще державший бархатную подушку в руках, приказал одному из солдат сполоснуть туфельку под струей воды. Солдат сделал, как ему было велено, и вернул туфельку на подушку. Маман, окаменев от гнева, стояла и смотрела на них.

Изабель, у которой кружилась голова от выпавших на ее долю испытаний, опустилась на скамью под липой. Она закрыла глаза, надеясь, что так головокружение пройдет быстрее. Сидела, слушая, как застоявшиеся лошади нетерпеливо роют копытами землю. А наверху, в ветвях липы, ворковала голубка.

Вдруг новый звук, настойчивый и пронзительный, прорезался сквозь все остальные:

– Подождите! Не уезжайте! Пожалуйста, подождите, подождите!

Кричала девушка. Голос доносился со стороны дома. Настойчивый. Умоляющий.

Изабель открыла глаза.

По дорожке к ним бежала девушка. Ее распущенные волосы спутались. Платье походило на старую тряпку. Лицо и руки испачканы золой. Ноги босы.

Несмотря ни на что, она была красива – неожиданно, пронзительно, до остановки дыхания.

Это была Элла.

Сводная сестра Изабель.

Глава 7

Великий герцог метнул на Маман убийственный взгляд.

– Опять ваши штучки, мадам? Вы подослали сюда этот грязный кухонный обмылок, чтобы примерить туфельку?

Маман, прищурившись, обернулась к падчерице.

– Элла, как ты посмела! – крикнула она. – А ну, марш в дом!

Но Элла ничего не слышала. Ее взгляд был прикован к принцу, а взгляд принца – к ней. Он уже выскочил из экипажа и спешил ей навстречу.

Наблюдая за ними, Изабель увидела то, чего никогда не замечала раньше. То, чего не было между матерью и отчимом, даже между матерью и отцом. Силу, неукротимую и всепобеждающую. Могушественную, глубокую и настоящую. Любовь.

Увидев ее, неуловимую и все же такую реальную, она поняла, что именно с Эллой принц танцевал на балу и именно ее он желает.

Зависть вонзила свои тонкие длинные зубы прямо в сердце Изабель. Маман сделала все, что было в ее власти, лишь бы не дать Элле попасть на бал, но та все же нашла лазейку. Каким-то чудом эта девчонка, у которой не было ничего своего, ухитрилась раздобыть лошадей и карету, сверкающее платье и пару хрустальных башмачков впридачу. «Как?» – мелькнуло в голове у Изабель.

Принц и Элла замерли в паре дюймов друг от друга. Он поднял руку и нежно коснулся ее лица. Пальцы обвели линию ее подбородка.

– Это ты, – сказал он. – Наконец-то я тебя нашел. Почему ты убежала тогда?

– Я боялась, что, когда ты узнаешь, кто я на самом деле – обыкновенная девушка из деревни, – ты меня разлюбишь, – ответила Элла.

– Ты совсем не обыкновенная, Элла, – сказал принц, беря ее ладони в свои. Он повернулся к великому герцогу. – Принесите туфельку, – скомандовал он.

Но, к большому удивлению Изабель – да и всех остальных тоже, – великий герцог не двинулся с места. Он так поджал губы, что их почти не было видно. В его глазах цвета кремня плескалось презрение.

– Ваша светлость, это служанка, – сказал он. – Ее не могло быть на балу. Охрана никогда не пропустит во дворец девушку, одетую в такие лохмотья. Сама мысль об этом...

Но принц не желал его слушать.

– Туфельку. Живо.

Великий герцог отвесил ему деревянный поклон. С бархатной подушкой на вытянутых руках он шагнул к принцу и Элле. Но, не дойдя до них всего нескольких шагов, зацепился за что-то носком отполированного до блеска ботфорта – позже он скажет, что под ногу попался камешек, – и едва не упал.

Туфелька соскользнула с бархатной подушки. Ударилась о землю.

И разлетелась на тысячу сверкающих осколков.

Глава 8

Принц вскрикнул, точно от боли.

Великий герцог принялся извиняться, приложив руку к сердцу.

Солдаты нервно переступали с ноги на ногу, мечи брякали у них на перевязях.

Маман расхохоталась. Изабель вскрикнула. И только Элла была спокойна. Скоро стало ясно почему.

– Ничего страшного. У меня есть вторая такая же, – сказала она с улыбкой.

У всех на глазах она достала из кармана юбки вторую хрустальную туфельку, поставила ее на землю, приподняла подол. А когда ее маленькая ножка скользнула внутрь волшебной обуви, та сначала вспыхнула голубым светом, а затем засверкала всеми цветами радуги, словно бриллиантовая.

Туфелька подошла ей точь-в-точь.

Принц радостно засмеялся. Он сгреб Эллу в объятия и поцеловал, не заботясь о том, что другие их видят. Солдаты снова радостно закричали. Великий герцог отер со лба пот. Маман отвернулась, сжала кулаки и зашагала к дому.

Изабель, видевшая все со своего места под липой, в который уже раз пожалела, что она так некрасива. Ах, если бы она была красавицей! Тогда бы ее ценили. Тогда бы с ней считались.

– Элла выиграла, – раздался голос за ее спиной.

Это была Тави. Она приковыляла сюда из дома и теперь стояла, опираясь на спинку скамейки и держа на весу свою изувеченную ступню. Сказав эти слова, она кое-как обошла скамейку кругом и села.

– Красивые всегда выигрывают, – с горечью поддакнула Изабель.

Пока две сестры разговаривали, к ним подошла третья – Элла.

Тави приветствовала ее язвительной улыбкой.

– Как удачно, – сказала она. – Вот мы и снова здесь. Все трое. Под липой.

Но Элла ее не слышала. Она смотрела на ноги сестер, и ее лицо выражало огромную печаль, почти горе.

– Что вы с собой сделали? – спросила она, и слезы навернулись ей на глаза.

– Не смей плакать из-за нас, Элла, – жестко сказала Тави. – Слышишь, не смей. Незачем. Ты получила по заслугам, и мы тоже.

Элла подняла взгляд и посмотрела в лицо Тави:

– Правда? Значит, я заслужила вашу жестокость? А вы – эти увечья? Вот что мы заслужили?

Тави отвела взгляд. Затем встала – с трудом:

– Уезжай, Элла. Оставь этот дом. И никогда не возвращайся.

Элла, которая уже не сдерживала слез, наблюдала, как Тави тяжело хромает к дому. Потом повернулась ко второй сестре:

– Изабель, ты тоже меня ненавидишь? До сих пор?

Изабель не отвечала; во рту стало горько от воспоминаний, точно в него набилась соль. Картина, которую в первый раз удалось прогнать, снова всплыла в памяти. Ей было тогда девять лет. Тави и Элле – десять. Маман уже год была замужем за ее отцом.

Они играли тогда вместе, здесь, под липой.

Сестры.

Сводные, но все же.

Подруги.

Глава 9

Был летний полдень.

Небо сияло голубизной; ярко светило солнце.

Каменную ограду дома обвивали плетистые розы. Птицы пели в привольно раскинувшихся ветвях липы, под которой играли три девочки. Элла плела венки из ромашек и рассказывала сказки о Танакиль, королеве фей, которая жила в дупле липы. Тави кусочком мела писала уравнение на аспидной доске. А Изабель ручкой от швабры фехтовала с невидимым противником, представляя, будто спасает сестер от Черной Бороды.

– Время умирать, пиратское отребье! *En garde!*⁴ – скомандовала она, надвигаясь на петуха Бертрана, который подошел близко к дереву. Конечно, фехтовать с Феликсом было куда интереснее, но он сейчас был занят с новым жеребенком.

Петух вытянулся во весь рост, захлопал крыльями, громко закукарекал и бросился в бой. Сначала он гонял Изабель вокруг дерева, потом Изабель гоняла его, и так они несколько раз менялись ролями, пока Тави не выкрикнула, потеряв терпение:

– Бога ради, Иззи! Можешь ты хоть чуть-чуть посидеть спокойно?

Отделаться от разгневанного петуха было не так-то просто, и Изабель решила залезть на дерево в надежде, что он забудет про нее и уйдет. Едва она устроилась на ветке, как во двор въехал экипаж. Петух поглядел на него одним глазом и сбежал. Из экипажа вышли двое мужчин. Один был седым и сутулым. В одной руке он держал трость, а в другой – хорошенькую шелковую коробочку с нарисованными на ней цветами. Второй нес кожаный саквояж. Изабель их не узнала, но ничего необычного в этом не было. К отчиму часто приезжали из Парижа – в основном купцы, как и эти: поговорить о делах.

Мужчины не увидели ни Изабель, ни Эллу, которую скрывала густая тень липовой кроны – только Тави, сидевшую на скамейке со своей доской.

– Чем ты занята, малышка? Учишься писать буквы? – обратился к ней господин постарше.

– Нет, пытаюсь доказать пятую теорему Евклида, – ответила Октавия, сведя брови и не отрываясь от доски.

Старик хихикнул. И ткнул своего спутника локтем в бок.

– Ты погляди, какая ученая выискалась! – сказал он и снова обратился к Тави: – Послушай меня, утенок, не надо забивать свою головку алгеброй.

– Вообще-то, это геометрия.

Услышав такое замечание, старик нахмурился.

– Хорошо, пусть геометрия, все равно это не для женских мозгов, – предостерег ее он. – Ты перенапряжешься. У тебя начнутся головные боли. А от головных болей возникают морщины, ты это знаешь?

Тави подняла голову:

– Так вот оно что? А ваши тогда откуда взялись? Вы уж точно мозги особо не напрягаете.

– Нет, это уже слишком... В жизни такого не видел... Грубиянка! – запыхтел старик и даже замахал на Тави палкой.

И тут перед ним появилась Элла:

– Тави вовсе не хотела грубить вам, господин...

– Хотела, – буркнула Тави.

– ...просто Евклид ее раздражает, – закончила Элла.

⁴ Защищайся! (фр.)

Старик тут же успокоился. По его лицу расплылась улыбка. Элла всегда так действовала на людей.

– Какая хорошенькая девочка. И такая милая и приятная, – сказал он. – Я попрошу твоего папу отдать тебя в жены моему внуку. Тогда у тебя будет богатый муж, красивый дом и много модных платьев. Хочешь?

Элла подумала, а потом сказала:

– Лучше маленького щеночка. Можно?

Мужчины расхохотались. Младший потрепал Эллу по подбородку. Старик погладил ее светлые кудри, назвал ее «цветочком» и дал ей конфетку из шелковой коробочки, которую привез для Маман. Элла улыбнулась ему, сказала «спасибо» и с удовольствием съела конфету.

Изабель, все еще сидя на дереве, жадно наблюдала за происходящим. Она тоже любила конфеты. Не выпуская из рук швабры, она соскочила с дерева, чем сильно напугала старика. Тот завопил, шарахнулся назад, оступился и рухнул на землю.

– Какого дьявола?! Что ты здесь делаешь с палкой в руках? – завопил он, побагровев.

– Сражаюсь с Черной Бородой, – ответила Изабель, пока молодой спутник помогал старику подняться.

– Ты меня чуть не убила!

Изабель посмотрела на него скептически.

– Я все время падаю. С деревьев. С лошадей. С сеновала один раз свалилась. И ничего, жива, – сказала она. – А можно мне тоже конфетку? Пожалуйста.

– Нет, конечно! – ответил тот, отряхиваясь. – Зачем тратить редкое лакомство на маленькую дикарку с ужимками обезьяны, шершавыми руками и листьями в волосах?

Подняв с земли розовую коробочку и трость, старик направился к дому. Всю дорогу он бормотал что-то своему спутнику. Негромко – но Изабель, которая не оставляла надежду получить конфету, шла за ними и все слышала.

– Одна – очаровательная малышка, которая со временем станет для кого-то прекрасной женой, но две другие... – Он покачал головой, явно не вкладывая в этот жест ничего хорошего. – Пожалуй, из них выйдут монахини, или гувернантки, или что там получается из таких уродин.

Изабель встала как вкопанная. Ее ладонь взметнулась к груди. Внезапная боль пронзила сердце, новая, незнакомая прежде. Всего несколько минут назад она весело расправлялась с пиратами и даже не знала, что ей чего-то недостает. Что она хуже кого-то. Что она – маленькая дикарка с ужимками обезьяны, а вовсе не цветочек.

Так она впервые поняла, что Элла красива, а она – нет.

Изабель была сильной. Храброй. В сражении на мечях всегда побеждала Феликса. На своем жеребце, Нероне, брала такие препятствия, на которые взрослые боялись даже смотреть. А один раз палкой прогнала настоящего волка, который хотел забраться в курятник.

«Но это ведь тоже хорошо, – думала она озадаченно, вмиг лишившись уверенности в себе. – Или нет? И я не хорошая?»

С того дня все между тремя девочками пошло иначе.

Они были всего лишь детьми. Элла получила конфету и похвалу, от которой как будто еще похорошела. Изабель позавидовала ей; она ничего не могла с собой поделать. Ей тоже хотелось отведать лакомства. И еще хотелось, чтобы и к ней обращали добрые слова и восхищенные взгляды.

Иногда проще сказать, что ты ненавидишь то, чему на самом деле завидуешь, – проще, чем признаться, как сильно ты этого хочешь. Вот и Изабель, вернувшись под липовое дерево, сказала, что ненавидит Эллу.

Элла сказала, что ненавидит ее.

А Тави добавила, что ненавидит вообще всех.

А на террасе все это время стояла Маман и слушала, и недобрый огонек зажегся в ее суровых наблюдательных глазах.

Глава 10

– Изабель, я сейчас уеду. Я... я не знаю, увидимся ли мы еще когда-нибудь.

Голос Эллы вырвал Изабель из воспоминаний. Затем Элла склонилась над Изабель и поцеловала ее в лоб; губы оказались такими горячими, что та даже испугалась, как бы не осталось отметины.

– Больше не надо ненавидеть меня, сестренка, – прошептала она. – Ради себя самой, не ради меня.

И она ушла, а Изабель осталась одна на скамье под липой.

Она думала о себе – о той, какой она была когда-то, и о той, какой стала теперь. Думала о вещах, которые ей велено было хотеть; важные вещи, ради которых она искалечила себя. Но все важное получила Элла, а она, Изабель, опять осталась ни с чем. Зависть и ревность жгли ее, как и все минувшие годы.

Повернув голову влево, она увидела, как Тави, с трудом вскарабкавшись по ступенькам дома, пересекла верхнюю площадку, неловко перешагнула через порог и закрыла за собой дверь. Повернув голову вправо, она увидела, как принц на руках внес Эллу в экипаж. Потом нырнул за ней следом и захлопнул дверцу.

Великий герцог вскочил на облучок рядом с кучером, скомандовал что-то солдатам, которые уже сидели в седлах, и те тронулись прочь со двора. Кучер щелкнул кнутом, и карета, запряженная восьмериком белых жеребцов, покатила за ними.

Изабель долго смотрела вслед экипажу. Сопровождаемый кавалькадой, тот сначала катился по длинной подъездной аллее, потом свернул на узкую проселочную дорогу и, мелькнув в последний раз на дальнем холме, скрылся за его вершиной. Пейзаж обезлюдел.

Но и тогда Изабель не двинулась с места, а продолжала сидеть, пока в воздухе не повеяло прохладой и солнце не склонилось к горизонту. Пока птицы не вернулись в гнезда, а зеленоглазая лисица не убежала на ночную охоту в лес. Лишь тогда она встала и, глядя на удлиняющиеся тени, прошептала:

– Я не тебя ненавидела, Элла. Не тебя. Только саму себя.

Глава 11

– Нельсон, отдай глаз. *Немедленно.*

Шустрая черная обезьянка в белом крахмальном воротнике проскакала по палубе. В лапе она держала стеклянный глаз.

– Нельсон, я тебя *предупреждаю*...

Человек, который произносил эти слова, был высок ростом, хорошо одет, его глаза цвета янтаря метали молнии – одним словом, сразу было видно, что он здесь главный, но на обезьянку это не производило ни малейшего впечатления. Даже и не думая возвращать сокровище, она вскарабкалась с ним на фок-мачту и уселась среди снастей.

Корабельный боцман, ладонью прикрывая пустую глазницу, затопал по палубе, на ходу выкрикивая, чтобы ему принесли пистолет.

– Только не стреляйте, прошу вас! – крикнула женщина в красном шелковом платье. – Надо уговорить его спуститься. Лучше всего подействует опера.

– Сейчас я его уговорю, – взревел в ответ боцман. – Пулей!

Оперная дива – а это была именно она – в ужасе вскинула руку к необъятной груди и разразилась «*Lascia ch'io pianga*»⁵, арией, в которой героиня изливает свою печаль и одновременно бросает вызов судьбе. Обезьянка склонила голову набок. Моргнула. Но с места не сдвинулась.

Могучий голос дивы растекся по палубе и выплеснулся в порт, так что дюжины зевак сбежались посмотреть и послушать. Корабль, клипер под названием «Авантюра», вошел в порт Марселя всего несколько минут назад, после трехнедельного плавания.

Пока дива пела, другой персонаж из свиты человека с янтарными глазами – гадалка – решила раскинуть карты (разумеется, Таро). Одну за другой она торопливо выкладывала их прямо на палубу. Закончив, она побелела, как парус.

– Нельсон, а ну, живо вниз! – крикнула она. – Добром это не кончится!

Подоспевшая откуда-то волшебница наколдовала банан, стянула с него кожуру, бросила ее через плечо и стала размахивать соблазнительным плодом. Актриса умоляла обезьяну спуститься. Тут откуда-то из-под палубы вынырнул юнга и, потрясая боцманским пистолетом, кинулся к ним. Это не укрылось от внимания дивы: ее голос взлетел на три октавы вверх.

Как только пистолет оказался у боцмана и тот прицелился в обезьяну, откуда ни возьмись выбежали акробаты в блестящих костюмах, прошлись колесом по палубе и кинулись к снастям. Увидев это, обезьяна полезла еще выше, в воронье гнездо. Боцман прицелился снова, но глотатель огнядохнул на него пламенем. От неожиданности боцман отпрянул, попал ногой на банановую кожуру и поскользнулся. Падая, он так крепко приложился головой, что потерял сознание. Пистолет в его руке выстрелил. Но пуля не нашла свою цель. Чего нельзя сказать о пламени, выпущенном огнеглотателем.

Его оранжевые языки лизнули нижний край оснастки, отчего та вспыхнула с громким «у-уш-ш-ш», и огонь весело побежал вверх, с аппетитом пожирая смоленые канаты. Перепуганная обезьяна прыгнула из вороньего гнезда на мачту. За ней сверкающими падучими звездами посыпались акробаты.

Последний из них уже твердо стоял обеими ногами на палубе, когда капля горячей смолы упала откуда-то сверху прямо на запал корабельного орудия, заряженного и готового к стрельбе на случай нападения пиратов. Фитиль занялся; пушка выпалила. Тяжелое железное ядро просвистело над гаванью и пробило дыру в борту рыбацкого баркаса. С воплями и бранью рыбаки посыпались в воду и, отчаянно бултыхая руками и ногами, поплыли к берегу.

⁵ «Оставь меня плакать» (*ит.*) – ария из оперы Г. Ф. Генделя «Ринальдо».

Уверенные, что «Авантюре» грозит нападение и неминуемая гибель, шестеро музыкантов в лавандовых камзолах и пудренных париках вынули из футляров инструменты и грянули траурный марш. Тот, однако, скоро потонул в лязге колес и грохоте копыт – по булыжной мостовой в порт мчалась пожарная телега.

Дива тем временем добралась до конца арии и взяла последнюю, самую высокую ноту. В ту же секунду тугие струи воды ударили по кораблю, сбивая пламя со снастей и заливая всех, кто был на палубе, – это пожарные встали к насосам и как бешеные принялись качать воду прямо из моря. Но артистка не потеряла ноту, а продолжала петь, раскинув руки и гордо подняв голову. Толпа на берегу разразилась бурными аплодисментами. В воздух взлетали шляпы. Мужчины плакали. Женщины лишались чувств. А в капитанской каюте вылетели все стекла.

Дива закончила арию. Мокрая до нитки, она подошла к релингу и сделала глубокий реверанс. Раздались крики «Браво!».

Обезьянка слезла с мачты и кинулась на руки хозяину. Янтарноглазый выхватил из лапки животного стеклянное око,дохнул на него, протер его об отворот камзола и ловко всадил боцману в глазницу. Правда, у него возникли сомнения, не задом ли наперед он вставил глаз, но боцман, который все еще был без сознания, не возражал.

Из своей каюты, отряхивая с пышных рукавов кусочки стекла, вышел капитан и, сцепив за спиной руки, принялся обозревать разгром на палубе.

- Флеминг! – рявкнул он, подзывая первого помощника.
- Да, капитан! – рявкнул в ответ помощник, отдавая честь.
- Кто все это натворил? Только не говорите мне, что это...
- Маркиз де ла Шанс, капитан, – ответил помощник. – Кто же еще?

Глава 12

Капитан Дюваль был в ярости.

Шанс постарался принять виноватый вид. Получилось неплохо – по этой части практики у него было предостаточно.

– Зачем вы сожгли снасти, выбили стекла и утопили баркас? – зарычал капитан. – Придется потратить целое состояние, чтобы возместить такие убытки!

– Лучшего применения состоянию нельзя и придумать! – сказал Шанс, очаровательно улыбаясь. – Кажется, столь утонченного исполнения «*Lascia ch'io rianga*» я не слышал за всю жизнь.

– Это не имеет отношения к делу, сударь!

– Удовольствие имеет отношение к любому делу, сударь! – возразил Шанс. – Что вы будете вспоминать на смертном одре: сожженные снасти и выбитые стекла или прекрасную диву в мокром насквозь платье, облепившем каждый изгиб роскошного тела, и ее великолепный голос, который заглушил и пушечный выстрел, и треск жадного пламени? Пусть счетоводы подсчитывают убытки, а скряги дрожат над своими монетами. Мы же будем считать секунды восторга и копить минуты радости!

Капитан, за время пути выслушавший немало подобных речей, только ущипнул себя за переносицу.

– Скажите мне одно, маркиз: как именно стеклянный глаз боцмана попал в лапы обезьяны?

– Мы с боцманом играли в карты. Я поставил пять дукатов против его стеклянного глаза. А он, глупец, вынул свой глаз и зачем-то положил его поверх монет. Скажите, капитан, видели вы такую обезьяну, которая не соблазнилась бы блеском стеклянной игрушки?

Капитан сделал движение в сторону Нельсона, который укрылся на плече Шанса.

– А ущерб мне с обезьяны взыскивать?

Шанс опустил руку в мешок, лежавший у его ног на палубе, и вынул оттуда туго набитый кожаный кошелек.

– Этого довольно? – спросил он, опуская его в руки капитана.

Тот открыл кошелек, пересчитал монеты и кивнул.

– Трап сейчас спустят, – сказал он. – В следующий раз, маркиз, когда вам вздумается совершить морскую прогулку, прошу выбрать другое судно.

Но Шанс уже не слушал его. Повернувшись к капитану спиной, он проверял, вся ли его свита в сборе. Они были нужны ему все до единого. Ведь он направлялся в деревню. Где, как известно, отсутствуют оперные театры. И вообще театры, а также концертные залы. Да что там театры, в деревне кофеен и тех не сыщешь, не говоря уже о кондитерских, книжных лавках и ресторациях. И как ему, спрашивается, прожить там хотя бы пять минут без своих музыкантов, без актеров и акробатов, без дивы, без балерин, волшебницы, гадалки, глотателя огня, шпагоглотателя, ученого и повара?

– Стоп! Повара нет! – воскликнул Шанс, пересчитав всех по головам. И поглядел на Нельсона. – Где он?

Обезьянка зажала лапками рот и раздула щеки.

– О нет, только не это, – простонал Шанс.

В это мгновение на палубу, откуда-то со стороны кормы, вышел, пошатываясь, лысый коротышка в черном кожаном плаще до пят, с ярко-красным платком вокруг шеи. Вид у него был помятый, взгляд мутный. Физиономия своей серостью напоминала недельную кашу.

– Морская болезнь, – сказал он, приближаясь к Шансу.

– Морская болезнь? Так вот как по-французски будет «Вчера я опять нажрался»? – ответил Шанс, поднимая бровь.

Повар болезненно моргнул:

– Обязательно так орать? – И он уперся лбом в планшир. – Какого черта они там возятся с трапом? Куда мы едем? Скажите мне, что в Париж.

– Боюсь, что нет. Нас ждет Сен-Мишель.

– Никогда о таком не слышал.

– Это в провинции.

– Терпеть не могу провинцию. Что мы там забыли?

Пальцы Шанса впились в планшир. Он вспомнил карту той девушки. Изабель, так, кажется, ее зовут. Конец ее пути вспыхнул у него перед глазами. Кровавые кляксы. Росчерки на пергаменте – яростные, будто нацарапанные рукой безумца.

Ему пришло в голову, что последнее как раз недалеко от истины.

– Его еще можно изменить, ее путь, – прошептал он. – Это в моей власти. И я это сделаю.

– Какой путь? – спросил повар. – О чем ты говоришь? Почему ты...

Но он не договорил. Что-то внизу привлекло его внимание. Шанс проследил за взглядом повара.

По людной улице, сразу за доками, стремительно катила черная карета. В ней сидела женщина – морщинистое бледное лицо в окне экипажа походило на портрет в раме. Почуввав, должно быть, что на нее смотрят, старуха подняла голову. И взглянула в упор на Шанса. Ее серые глаза смотрели безжалостно, и Шанс понял, что ему предстоит нешуточная битва, пощады в которой ему не видать, хотя он и не станет просить о ней.

Повар набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул.

– Мы здесь из-за нее, так? – сказал он.

Шанс кивнул.

– Ничего хорошего. Она – худшая из той троицы, а это что-нибудь да значит. Зачем она здесь? И зачем здесь мы? Скажешь ты мне, наконец, или нет?

– Чтобы сражаться, – ответил Шанс.

– Ради чего на этот раз? Ради золота? Славы? Или твоей гордыни? – язвительно спросил повар.

Проследив за тем, как экипаж Судьбы скрывается за поворотом, Шанс ответил:

– За девушку. Мы будем сражаться за ее душу.

Повар кивнул:

– Так бы сразу и сказал. Ради такой цели и повоевать не грех.

Мутный взгляд повара прояснился; на смену невнятности пришла решимость. Сунув два пальца в рот, он свистнул так, что у всех вокруг уши заложило. И отошел, рывкнув злополучному матросу, который подвернулся по пути, чтобы тот спускал трап, да поживее. Волшебница, акробаты и другие люди из свиты Шанса, до тех пор бесцельно толкшиеся по палубе, подхватили свои пожитки и поспешили за ним. Шанс тоже поднял с палубы мешок, забросил его на плечо и последовал за ними. Чтобы выиграть эту битву, нужно все время быть на шаг впереди Судьбы, а он уже уступил ей добрый десяток.

Глава 13

Изабель, потная, грязная, избитая, наклонилась в седле вперед и обратилась к коню:

– Маман уже собиралась продать тебя, Мартин. Ты об этом знаешь? На живодерню, чтобы там из твоих костей сварили клей. Это я ее остановила. Пожалуй, тебе стоит об этом подумать.

Старый, медлительный и злой, конь Мартин обладал еще раздутыми боками, разбитыми копытами и способностью на удивление ловко и быстро кусаться, но других лошадей у Изабель не было.

– Ну, вперед, – понукала она его и ударяла пятками ему в бока.

Она хотела пустить коня рысцой по хозяйственному двору. Но у Мартина были свои соображения на этот счет. Обиженный, он с места срывался в короткий галоп, потом вдруг вставал как вкопанный, и девушка летела кувырком через его голову. Вот и теперь она больно ударилась о землю, перекатилась на спину и застонала, лежа в грязи.

За это утро Мартин уже трижды выбросил ее из седла. Вообще-то, Изабель была отличной наездницей, но теперь ей приходилось учиться этому искусству заново. Дело в том, что она не могла правильно распределить свой вес на стремянах. Правой ногой не хватало опоры – там, где раньше подставку стремени обхватывали пальцы, теперь была пустота. С трудом удерживая равновесие, она не могла управлять Мартином, когда тот пятился, брыкался или просто упрямо останавливался, вот как сейчас.

Падения ее не пугали. Грязь на лице, синяки, боль – все это было ей безразлично. Даже наоборот: это отвлекало от мыслей об Элле. О том, что Элла больше не с ними, что она выиграла. Что у Эллы есть теперь все, а у нее, Изабель, – ничего.

Она все еще лежала на земле, глядя в небо, по которому быстро скользили облака, когда над ней склонилось лицо, перекрыв ей вид.

– Сколько раз ты сегодня упала? – спросила Тави. И, не дожидаясь ответа, добавила: – Ты так убьешься.

– Если мне повезет.

– Прекрати. Ты больше не можешь ездить верхом.

Страх лужицей собрался в животе Изабель. Нет. Неправда. Она не позволит этим словам стать правдой. Верховая езда – все, что у нее осталось. Только это поддерживало ее, когда заживала ступня. Когда она привыкала хромать, а не ходить. Когда разбегались слуги. Когда Маман запирала ставни на окнах опустевших комнат и закладывала засовами лишние двери. Когда сорные травы стали расти на каменной ограде дома.

– Зачем ты вышла? – спросила она у Тави. Сестра предпочитала отсиживаться в доме, наедине с книгами и уравнениями.

– Сказать тебе, что нам пора на рынок. Откладывать больше не получится.

Изабель моргнула:

– Плохая идея.

По округе ходили слухи. О том, как они примеряли хрустальную туфельку и чем пожертвовали, чтобы в нее влезть. Об Элле и о том, как они обращались с ней. Дети прибежали к их дому и швыряли в стены комьями грязи. А один человек даже запустил камнем в окно. Изабель знала, что поход в деревню закончится неприятностями.

– Предложи что-нибудь получше, – возразила Тави. – Где нам, к примеру, взять сыр? Ветчину? Масло? Хлеб и тот несколько недель как кончился.

Изабель вздохнула. Поднялась с земли, отряхнулась.

– Придется взять тележку, – сказала она. – Не пешком же идти. Не с нашими...

– Хорошо. Запрягай Мартина. А я пойду и принесу корзины, – перебила ее Тави и, повернувшись спиной, зашагала к кухне. Она не любила разговоров об их увечьях. Об Элле. Вообще обо всем, что было.

– Ладно, – сказала Изабель и захромала к коню.

Она так и не привыкла ходить медленно, переваливаясь, словно утка. Увечье Тави оказалось не настолько серьезным. Когда рана зажила, к сестре вернулась прежняя походка. Изабель сильно сомневалась, что у нее будет так же.

– И знаешь что, Иззи...

Изабель обернулась. Тави хмуро смотрела на нее.

– Что?

– Держи себя в руках. Там, в деревне. Как думаешь, сможешь?

Изабель отмахнулась от вопроса и взяла Мартина за повод. По правде говоря, она не знала, что ответить. Она пыталась держать себя в руках. Годами. В гостиных и бальных залах, во время садовых вечеринок и званых обедов. Сжав кулаки и стиснув зубы, она отчаянно старалась вести себя так, как требовала Маман: быть вежливой, любезной, тактичной, доброй, скромной, нежной, терпеливой, приятной и незаметной.

Иногда ей это удавалось. День-другой. Но потом обязательно что-нибудь случалось.

Например, на том роскошном обеде, который давала Маман, случился кадет-первогодок из военной академии: он заявил, что Вторая Пуническая война закончилась победой Сципиона над Ганнибалом в битве при Каннах, хотя всякий дурак знает, что это была совсем другая битва – при Заме. Изабель поправила его, но он захохотал, заявив, что она сама не знает, о чем толкует. А когда она принесла из библиотеки книгу – «Иллюстрированную историю великих военачальников мира» – и доказала ему, что неплохо представляет себе предмет разговора, он обозвал ее нехорошим словом. Не вслух, конечно. Шепотом. Она разозлилась и тоже обозвала его в ответ. Вслух.

После той истории Маман не разговаривала с ней неделю.

И еще был случай в замке одной баронессы, куда их пригласили на бал: Изабель наскучило танцевать, и она решила пройтись. Она и думать не думала затевать с бароном дуэль – просто он застал ее в холле, где Изабель восхищалась висевшими на стене саблями, и предложил показать, как ими фехтуют. Она согласилась и даже составила ему пару, в результате чего барон недосчитался пуговиц на камзоле, зато приобрел весьма заметную царапину на подбородке.

В тот раз Маман лечила ее молчанием месяц.

Она заявила дочери, что ее поведение чудовищно, но сама Изабель не видела большого греха в том, чтобы срезать пару пуговиц с баронского камзола. Ведь она знала, что способна поступать и хуже. Намного хуже.

Вот хотя бы месяц назад, когда она искала в своем гардеробе розовый зонтик, носить который вечно заставляла ее Маман – «Розовое улучшает цвет лица, Изабель!», – и еще эти жуткие атласные туфли – «Ничего, что они жмут, зато твои ноги выглядят не такими большими!». И натолкнулась на книгу об Александре Великом, спрятанную туда, чтобы ее не забрала Маман.

Опустившись с книгой прямо на пол, отчего помялось ее вычурное платье, Изабель принялась с жадностью перелистывать страницы. Они хранили память о тех счастливых временах, когда ей еще не объяснили, что все великие воины и генералы были мужчинами и что девушке не к лицу проявлять интерес к мечам, боевым коням и военным стратегиям. Глядя на иллюстрации, Изабель снова показалось, будто она скачет бок о бок с Александром Великим, с боями прокладывая вместе с ним путь через Египет. Она читала, и от невозможности получить то, чего ей хотелось, на глазах выступили слезы.

Она уже почти осушила их, когда в комнату вошла Элла с серебряным подносом. На нем стояла чашка горячего шоколада и тарелочка с пирожными «мадлен».

– Я слышала, как Маман кричала на тебя из-за парасольки и туфелек. И решила сделать тебе приятное, – сказала она, ставя поднос рядом с Изабель.

Элла была добрая девочка и хотела сделать как лучше. Но ее доброта всегда была Изабель поперек горла.

Она уставилась на сводную сестру, которой не нужны были ни розовые парасольки, ни узкие туфельки. Которая даже в стоптанных башмаках и старом, заплатанном платишке походила на богиню. Потом перевела взгляд на себя, на это нелепое платье, которое шло ей как корове седло, схватила чашку с горячим шоколадом и запустила ею в стену. Вслед полетела тарелочка с пирожными. А за ней – поднос.

– Прибери, – рявкнула она, и ее глаза сверкнули злым огоньком.

– Изабель, отчего ты так расстроена? – спросила Элла, огорченная тем, что натворила сестра.

Изабель, сама не своя от злости, стиснула в кулаки руки и прошипела:

– Хватит, Элла. Хватит быть добренькой со мной. Перестань уже!

– Прости меня, – тихо сказала Элла и покорно склонилась над осколками разбитой посуды.

Такая покорность, которая должна была бы умиловать Изабель, лишь подлила масла в пламя ее гнева.

– Какая ты жалкая! – закричала она. – Почему ты никогда не постоишь за себя? Почему позволяешь Маман помыкать тобой? Ты так добра ко мне и к Тави, хотя мы ведем себя с тобой ужасно! Почему, Элла?

Элла уже сложила осколки фарфора на серебряный поднос.

– Чтобы не умножать зла, если что-то пошло не так. Чтобы помочь тебе и другим, – ответила она тихо.

– Чем ты мне можешь помочь? Вот если бы ты сделала так, чтобы я стала тобой!

Элла подняла на нее взгляд, полный ужаса:

– Не говори так. Не надо тебе становиться мной. Ни за что на свете.

Изабель даже перестала кричать, так ее поразило напряжение, звучащее в голосе Эллы. А потом в коридоре послышались шаги Маман; Изабель только и успела, что спрятать свою книгу и схватить зонтик, когда та вошла в комнату и велела поторапливаться. И они отправились на очередную садовую вечеринку, где у Изабель ум зашел за разум от скуки, так что, вернувшись, она позабыла спросить Эллу, что та имела в виду. А теперь уже поздно, не спросишь.

Мартин, устав стоять на месте, резко прикусил руку Изабель, оборвав ее болезненные воспоминания.

– Ты тоже не большой мастер вести себя как следует, верно, старина? – сказала она коню.

Отведя его в конюшню, она задала ему корму. Привязывать коня нужды не было. Мартин мало к чему стремился, и уж точно – не к побегу из дома. Прежде чем запрячь его, Изабель прошла по шкуре скребницей. Никакой необходимости в этом не было: нельзя сказать, чтобы он много работал и оттого вспотел, просто ей очень хотелось снова ощутить руками его бока, почувствовать бархатный нос, утыкающийся в щеку, и травянистый запах его дыхания, когда он фыркнет ей в лицо.

Взнуздав коня, Изабель повела его к тележке. Идя к выходу из конюшни, она с тоской оглядывала пустые стойла. Вот тут стояла пара арабских лошадок, которые возили их экипаж, тут – могучие першероны, работавшие в поле; теперь их не было, пришлось продать, когда конюх ушел.

Взгляд Изабель помимо ее воли устремился к крайнему стойлу. И опять – воспоминания. Здесь тоже жил конь, которого продали. Несколько лет назад. Его звали Нероном. Вороной

жеребец, семнадцать ладоней от копыт до холки, глаза – живой оникс, грива – текучий шелк. Скакать на нем было все равно что лететь на урагане. Она до сих пор помнила ощущение, возникавшее у нее, когда он с силой ударял в землю копытами, танцуя под ней от нетерпения пуститься вскачь.

И тепло Феликса она тоже помнила. Как он сидел позади нее, обхватив ее руками за талию, губы – у ее уха, взгляд устремлен на каменную стену впереди. Он смеялся, и в его смехе был вызов.

– Нет, Изабель! – закричала тогда Элла. – Это же опасно!

Но Изабель не слушала. Она коснулась пятками боков Нерона, и миг спустя стена уже летела на них. Элла закрыла глаза руками. Изабель распласталась по шее скакуна, прижавшись к нему грудью, зарывшись руками в гриву, чувствуя спиной Феликса. Жеребец под ней напряг каждую мышцу своего тела, и тут она поняла, что значит летать. С гиканьем и улюлюканьем они приземлились по ту сторону ограды и, не останавливаясь, умчались в Дикий Лес, оставив Эллу позади.

Картинки прошлого растаяли так же быстро, как пришли; перед ней снова было пустое стойло с затянутыми паутиной углами.

Нерона больше нет. Феликса тоже. Их отняла Маман, а с ними и кожаные лосины для верховой езды, и пиратскую шляпу, и ее коллекции камней, черепов животных и птичьих гнезд. Деревянный меч. Книги. Одно за другим исчезали они из жизни Изабель, и каждая потеря была для нее как взмах ножа. Того, что обстругивал ее. Обрезал заусенцы. Высекал из нее ту благовоспитанную девицу, какой хотела ее видеть Маман.

Иногда она все еще чувствовала боль от этих ран.

Глава 14

– Шесть су, – сказала жена пекаря, сложив мясистые руки на обширной конопатой груди.
– Шесть? – повторила за ней Изабель, недоумевающая. – Но здесь же написано «три». – Она указала на прилавок с хлебом, где стояла дощечка с ценами, выведенными мелом.

Женщина плюнула себе в ладонь, стерла «3» и написала «6».

– Для тебя – шесть, – дерзко заявила она.

– Но это же двойная цена. Так нечестно! – запротестовала Изабель.

– А превращать сводную сестру в рабыню честно? – отозвалась женщина. – И не отпирайся. Вы были жестоки к незащитной девушке. Ну и как, высоко удалось забраться? Вон, Элла теперь королева и стала еще красивее. А кто ты? Все та же страшная сводная сестра.

Изабель опустила голову, чувствуя, как пылают щеки. Они с Тави только что приехали на рынок, и вот, уже началось.

Медленно она набрала полную грудь воздуха, вспоминая наказ сестры: «Держи себя в руках». Отсчитала из кармана монеты и протянула через прилавок. Жена пекаря с хамской ухмылкой подала ей самый маленький хлеб, да еще подгоревший снизу.

– Так ей и надо, – заявила одна женщина в очереди.

– Для нее и подгорелый слишком хорош, – фыркнула другая.

Женщины стояли позади Изабель, покачивали головами, показывали на нее пальцами и отпускали замечания. Они источали праведность, как гуси на вертеле источают жир, хотя не далее как вчера первая отвесила маленькой дочке такую оплеуху за пролитое молоко, что у девочки вся щека вспухла, а вторая целовалась с мужем сестры в переулке за таверной.

Известное дело – когда вешают вора, больше всех радуется другой вор.

– Надеюсь, ты им подавишься, – напутствовала жена пекаря девушку, пока та укладывала хлеб в корзину.

Изабель почувствовала, как внутри закипает гнев. Злые слова чуть не сорвались с ее уст, но она вовремя прикусила язык.

– И твоя уродина-сестра тоже пусть подавится.

При упоминании о сестре – о Тави, которая похудела после отъезда Эллы, мало улыбалась и почти перестала есть, – тлеющий гнев Изабель вспыхнул, как сухой порох.

В центре витрины горделиво красовалась пирамида из сияющих коричневых булок. Изабель размахнулась и сшибла с нее верхушку. Не меньше дюжины булок слетели с витрины и закувыркались в уличной пыли.

– Сами вы подавитесь, – заявила она побагровевшей от гнева хозяйке и ее кудачущим товаркам.

Выражение лица наглой бабы, ее негодующий вопль, ее смятение – от всего этого Изабель на минутку стало легче. «Я победила», – подумала она. Но пока она, припадая на правую ногу, удалялась от прилавка, тошнотворное ощущение беды охватило ее. Выиграла не она. Выиграл ее гнев. В который уже раз.

«Элла не сделала бы так, – пришло в голову ей. – Глянула бы на них кротко, улыбнулась ласково, как она умеет, и они не нашли бы что сказать».

Элла вообще никогда не злилась. И тогда, когда готовила для них еду или убирала дом. И тогда, когда ела в пустой кухне одна. И даже тогда, когда Маман не пускала ее на бал.

Элла спала на жесткой кровати в холодной чердачной каморке; в спальнях Изабель и Тави пылали каминные дрова, на кроватях лежали пуховые перины. Летом и зимой Элла носила одно и то же платишко, латаное-перелатаное, шкафы Тави и Изабель ломились от нарядов. И все-таки в их семье день за днем пела и улыбалась только Элла. А не Изабель. И не Тави.

– Почему? – спросила себя Изабель, отчаянно желая найти ответ, словно это помогло бы ей научиться быть хорошей и доброй; но ответа не было, только боль, глубокая и гложащая, в левой стороне груди.

Если бы Изабель спросила про эту боль у старых кумушек из Сен-Мишеля, которые сидят у источника на деревенской площади, те рассказали бы ей, откуда она берется. Не зря ведь старухи говорят: «Бойся не того волка, что в лесу, а того, что в клетке».

Сен-Мишель стоит на опушке большого леса, который местные жители называют Диким. По ночам из него выходят волки и в поисках добычи рыщут по полям и фермам. Они любят кур и молоденьких ягнят. Эти волки страшны, но есть один, который страшнее прочих. О нем-то и говорят старухи.

– Увидишь его, беги со всех ног, – учат они внучек. – Говорит он красиво, слова у него – что мед, а зубы острые. Если такой схватит, сожрет живьем.

Почти все деревенские девушки и девочки поступают так, как учат бабки. Но порой одна возьмет и послушается. При виде волка она не убежит, а, набравшись храбрости, взглянет ему в глаза и полюбит его.

Скоро люди заметят, как ночью она скроется в лесу. А наутро увидят ее с растрепанными волосами и кровью на губах. «Это никуда не годится, – скажут они. – Нельзя девице любить волка».

И они вмешаются. С ружьями и саблями выйдут против волка. И найдут его в Диком Лесу. Но девушка будет рядом с ним и увидит, как приближаются деревенские.

Те поднимут ружья и начнут целиться. Девушка откроет рот, чтобы завизжать, а волк, тут как тут, прыгнет ей прямо в нутро. Девушка впопыхах проглотит его целиком, с клыками, шерстью, когтями. Волк уютно свернется у нее под сердцем.

Деревенские опустят ружья и пойдут домой. Девушка вздохнет с облегчением. И решит, что легко отделалась. Что впредь будет довольствоваться воспоминаниями о волке с золотыми глазами. А ему будет тепло и хорошо у нее внутри.

Но скоро девушка поймет, что совершила ужасную ошибку, ведь волки – дикие твари, а дикую тварь нельзя держать в клетке. Он захочет выбраться на свободу, но внутри у девушки темно, и он не будет знать, в какую сторону податься.

И тогда он начнет выть у нее в крови. Станет глотать ее кости.

А когда и это не поможет, волк сожрет ее сердце.

Все это – вой в крови, боль в костях – сведет девушку с ума.

И она станет вырезать из себя волка, рассекая свою плоть лезвием бритвы.

Будет выжигать его, держа руку над пламенем свечи.

Будет морить его голодом, отказываясь от еды, пока не превратится в обтянутый кожей скелет.

Скоро обоих возьмет могила.

Такой волк живет внутри Изабель. Она старается усмирить зверя, но его голод становится все сильнее. Он уже изгрыз ей хребет и подбирается к сердцу.

Можно убежать домой. Захлопнуть дверь. Задвинуть тяжелый засов. Не поможет.

У лесных волков острые зубы и длинные когти, но на части тебя разорвет не тот волк, что за стенами дома, а тот, что у тебя внутри.

Глава 15

Остальные покупки Изабель сделала без происшествий. Правда, был еще косой взгляд продавца сыров, и мясник сказал ей пару колкостей, но она не обратила на них внимания.

Изабель подходила к деревенской площади. Они с Тави решили разделиться, чтобы поскорее закончить с покупками, а потом снова встретиться у повозки. К ней Изабель и шла сейчас, но она плохо знала деревенские улицы и могла лишь надеяться, что не заблудилась. Раньше Маман почти не отпускала их в Сен-Мишель. «Только простолюдинки слоняются по деревне», – говорила она.

Изабель хотелось домой. Щербатая деревенская мостовая совсем измучила ее изувеченную ногу, и та начала болеть. Лежавшая в корзинке еда – солоноватая ветчина, крохотные маринованные огурчики, острый рокфор с синими прожилками – пахла умопомрачительно, так что голова кружилась, а рот наполнялся слюной. У Изабель живот подвело от голода. Уже много недель она не ела такой вкуснятины.

Выходя на площадь, Изабель приняла решение не смотреть по сторонам, в надежде, что ее саму тоже никто не заметит. Но даже глядя на мостовую у себя под ногами, она не могла не слышать разговоров вокруг.

Стоя у дверей таверн и лавок, деревенские, не понижая встревоженных голосов, обменивались новостями. Фолькмар фон Брук разорил еще одну деревню. Он идет на запад. Нет, на юг. Всюду беженцы. Добрая королева Элла, да благословит ее Господь, помогает чем может. Она приказала дворянам открыть двери своих особняков и замков для детей, которые остались сиротами после грабительских набегов.

Идя своим путем, Изабель услышала стук копыт по мостовой. Она обернулась и увидела группу солдат, которые приближались к площади. Впереди, на прекрасном белом коне, ехал высокий мужчина. Прихрамывая, Изабель отошла с дороги и встала в толпе, у источника. Никто не обратил на нее внимания; люди смотрели только на солдат. Громкие приветственные крики полетели над толпой.

– Да благослови вас Господь, полковник Кафар!⁶ – крикнула какая-то женщина.

– Да здравствует король! – отозвалась другая.

Высокий полковник сидел в седле, выпрямив спину, и смотрел вперед. На его темно-синем мундире и белых бриджах не было ни пятнышка, начищенные сапоги сверкали.

– Хорошо хоть наш Сен-Мишель в безопасности, – сказал кто-то из мужчин, когда солдаты проехали.

Другие поддакнули. Действительно, разве король не прислал сюда свои лучшие полки? И разве добрый полковник не разбил лагерь на пастбище Левека, сразу за деревней? Да в одном только этом лагере тысячи две солдат, не меньше. Так чего же нам бояться?

Хотя день был теплый, Изабель вздрогнула, точно от холода. «Кто-то прошел по твоей могиле», – говорила Адели, когда такое случилось.

Она и понятия не имела, что кровожадный Фолькмар забрался уже так далеко. Ни она, ни Тави, ни Маман больше месяца не выходили из дома. Последние новости – старый король умер, принца короновали, и Эллу тоже, и они теперь король и королева – им рассказали слуги, еще до того, как уйти.

Задумавшись о том, что она услышала от жителей деревни, Изабель не заметила выбоину на дороге и со всего размаха влетела в нее увечной ногой. Слепящая боль взметнулась от пальцев к бедру. Едва не вскрикнув, девушка прислонилась к фонарному столбу, чтобы перенести

⁶ Cafard – лицемер (фр.).

вес на другую ногу. Морщась от боли, она подняла голову и оглядела улицу из конца в конец, надеясь увидеть поблизости свою повозку, но той нигде не было видно.

Зато она увидела Одетту, дочку трактирщика, которая приближалась к ней, водя перед собой белой тростью. Слепой Одетте трость была нужна, чтобы ходить по петляющим улицам деревни.

Затем Изабель увидела еще кое-кого.

Позади Одетты шла Сесиль, дочка мэра, в окружении стайки подруг. Глаза Сесиль были сведены к переносице, язык болтался снаружи. Своей парасолькой она водила перед собой, подражая Одетте с ее тростью. Подружки хихикали.

Изабель обуял страх. Она знала, что надо пойти и защитить Одетту. Но у нее так болела нога, к тому же ей совсем не хотелось ввязываться в новую свару. Она сказала себе, что Одетта ведь все равно не знает, что происходит. Зато она, Изабель, все видит и понимает, что следующей жертвой станет она сама. В тревоге она завертела головой, ища, куда бы спрятаться, но поздно. Сесиль ее заметила.

– Изабель де ла Поме, ты ли это? – протянула она, тут же забыв об Одетте.

И тут Изабель заметила вход в какой-то переулок. Ни слова не говоря, она кинулась туда и помчалась по узкой дорожке между домами, не обращая внимания даже на боль в ноге. В переулке было сыро и пахло сточной канавой. Откуда-то выскочила крыса и оказалась прямо перед Изабель, потом ей на голову едва не опорожнили ночной горшок, но зато ей удалось сбежать от Сесиль и даже оказаться на той самой улице, где осталась повозка.

Ей сразу стало легче. Тави еще не пришла, но Изабель была уверена, что сестра скоро появится. А пока можно посидеть и отдохнуть. Нogu будто поджаривали на огне. Ковыляя к повозке, она вдруг почувствовала укол совести. Вспомнила об Одетте. Как она там? Оставила Сесиль ее в покое? Или, разочарованная тем, что не удалось привязаться к Изабель, с двойной жестокостью навалилась на бедную слепую девушку?

В книгах по истории написано, что войны начинают короли и герцоги. Это неправда, не верьте им. Войны начинаем мы с вами, вы и я. Каждый раз, когда предпочитаем отвернуться, не заметить, пройти мимо, не связываться.

Плохие поступки совершать проще всего, быть трусом легко. Им становишься незаметно. Достаточно повернуться к злу спиной. Поспешить прочь, сказать себе, что все прошло. Ты больше не видишь зла, значит ты с ним покончил.

Вот только зло, возможно, считает, что еще не покончило с тобой.

Изабель так спешила скрыться, что даже не огляделась по сторонам, когда вышла из переулка и пошла к повозке.

– Изабель, дорогуша! Вот ты где! – окликнул ее чей-то голос.

В животе у нее как будто завязался узел. Она медленно обернулась. За ее спиной с ядовитой ухмылкой на лице стояла дочка мэра.

Глава 16

Сесиль, заносчивая блондинка, с высокомерным видом шагнула к Изабель. Желтое платье, зонтик от солнца, подобранный в тон. За ней следовала свита – девочки из семейств не столь влиятельных.

– Как же давно я тебя не видела, Изабель, – пропела она. – Я столько слышала об Элле и о принце. Расскажи, на что была похожа королевская свадьба?

Девушки за ее спиной принялись хихикать. Перешептываться. Переглядываться. Все знали, что Изабель, Октавию и Маман на свадьбу Эллы не пригласили.

– И как, у вас теперь свои покои во дворце? – спросила одна.

– Элла уже подыскала тебе герцога в мужа? – протянула другая.

– Кого тут выдают за герцога? Я тоже хочу! – воскликнула третья и восторженно улыбнулась. Она только что подошла к остальным. Ее звали Бертой – пухлая коротышка с торчащими передними зубами.

Сесиль обернулась к ней:

– За герцога? Да на что ты ему сдалась, Берта? Мы тебе охотника найдем, вот кому толстые кролики по вкусу.

Улыбка вмиг слетела с лица Берты. Щеки пошли яркими красными пятнами. Девушки вокруг хохотали. У них не было выбора. Если кто-нибудь не засмеется над шуткой Сесиль, она это припомнит. Сочтет это вызовом и отомстит, превратив строптивицу в объект для насмешек.

Под нарядным платьем Сесиль, под планками ее корсета и тонкой нижней сорочкой, билось сердце, гнилое, как трухлявое бревно. Тронь такое, и из-под него ползет на свет всякая гадость. Твари вроде зависти, страха, стыда и злобы. Изабель хорошо это знала, ведь ее собственное сердце тоже стало таким, как у Сесиль, но, в отличие от дочки мэра, она не считала жестокость признаком силы; жестокость всегда выползает из самых темных, вонючих, слякотных уголков человеческой души.

Взгляд Сесиль остановился на предмете, который лежал на мостовой. Это был гнилой кочан капусты. Сесиль пинком подкатила его к Берте.

– Вперед, – скомандовала Сесиль. – Она заслужила. Она страшная. Страшная мачехина дочка.

Берта неуверенно взглянула на кочан.

Сесиль прищурилась:

– Боишься? Ну же.

Ее приказ придал смелости другим девушкам. Они взвыли, словно стая гиен, науськивая бедную Берту. Берта неохотно наклонилась за кочаном и бросила его в Изабель. Тот упал на мостовую, не долетев до жертвы, и только испачкал ей платье. Насмешки стали громче.

Острый коготок страха царапнул сзади шею Изабель. Она знала, что Сесиль еще только начинает. Внутренний голос сказал: «Мне не страшна армия львов с овцой во главе, но я боюсь армии овец, которую ведет лев».

Когда Изабель оказывалась в беде, у нее в голове внезапно начинали звучать слова то одного, то другого известного полководца. Сейчас с ней говорил Александр Великий, и она сразу оценила его правоту: подхалимки Сесиль, отчаянно жаждущие одобрения, сделают по ее приказу что угодно.

Еще Изабель знала: даже хромая, она легко отобьется от одной девушки – но не от дюжины. Значит, придется искать другой выход.

– Хватит, Сесиль, – сказала она и, несмотря на боль, развернулась и поковыляла обратно к рынку. Может, Сесиль надоест эта игра, если она, Изабель, откажется от отведенной ей роли?

Но она ошиблась. Сесиль наклонилась и подняла с мостовой вывороченный булыжник.
– Стой где стоишь, Изабель. Иначе я брошу его в твою лошадь.

Изабель встала как вкопанная. Медленно повернулась.

– Не посмеешь, – сказала она. Это было бы уже чересчур даже для Сесиль.

– Посмею. – Свободной рукой Сесиль обвела своих прихлебательниц. – Мы все посмеем. – Точно желая доказать свою правоту, она вручила камень Берте. – Бросай. Я разрешаю.

Берта смотрела на камень; глаза у нее стали круглыми, как пуговицы.

– Сесиль, нет. Это же камень, – сказала она.

– Трусиха.

– Нет, – запротестовала Берта, и ее голос дрогнул.

– Тогда бросай.

Изабель шагнула к Мартину и встала так, чтобы заслонить его голову. Берта все же бросила камень, но он ударился в повозку.

– Ты нарочно промахнулась, – заявила Сесиль.

– Нет! – закричала Берта.

Сесиль подняла второй камень и снова вложила его в ладонь Берте.

– Ближе подойди, – велела она и толкнула девушку вперед.

Берта сделала пару неуверенных шагов в сторону Изабель. Ее пальцы сжимали камень так крепко, что побелели костяшки. Она занесла руку, и ее глаза встретились с глазами Изабель. В них плескался страх. Изабель показалось, будто она смотрит в зеркало. Она видела панику в глазах другой девушки – знакомую панику, ведь сама она чувствовала то же самое.

– Это хорошо, что ты еще можешь плакать, – шепнула она Берте. – Вот когда перестанешь, тогда все, тебе конец.

– Заткнись. Я не плачу. Не плачу, – ответила та и занесла руку с камнем еще выше.

Изабель знала, что получить камнем по голове больно. Возможно, даже смертельно. Но если это ее судьба, значит так тому и быть. Она не покинет Мартина. Закрыв глаза, стиснув кулаки, она покорно ждала удара.

Но ничего не происходило. Медленно текли секунды. Изабель приоткрыла глаза. Вокруг никого не было, девушки упорхнули, как стайка испуганных воробьев. А там, где только что стояла Сесиль, она увидела очень старую женщину, одетую во все черное.

Глава 17

Смотрела старуха не на нее, а в дальний конец улицы, на убежавших девушек.

Ее лицо было изборождено морщинами. Заплетенные в косу снежно-белые волосы собраны в пучок на затылке. На пальцах руки-клешни красовалось черное кольцо. Изабель она показалась воплощением старости, хрупкой, словно обледеневшая веточка, готовая сломаться в любой момент.

Но первое впечатление рассеялось, когда старуха повернула голову и посмотрела на Изабель. Заглянув в серые глубины ее глаз, девушка сразу почувствовала притяжение воли более сильной, чем ее собственная.

– Заводила в желтом платье плохо кончит, – уверенно сказала старая женщина. – Уж я-то знаю.

Изабель встряхнула головой так, словно хотела освободиться от чего-то. Ее качало, земля норовила уйти из-под ног, точно она не стояла на тихой деревенской улице, а плыла на корабле по бурному морю.

– Вы... это вы их прогнали? – спросила она.

Старуха развеселилась:

– Прогнала? Я? Дитя мое, да моим старым ногам не угнаться даже за улиткой. Я просто подошла, чтобы поговорить с тобой. А эти девушки сами разбежались, увидев меня. – Она помолчала, затем добавила: – Ты, кажется, некрасивая мачехина дочка? Я слышала, они так тебя называли.

Изабель моргнула, уже готовясь к потоку новых оскорблений, но их не последовало. Старуха лишь поцокала языком и продолжила:

– Зря ты выходишь на люди, это глупо. Конечно, злые слова тебя не убьют, а вот камни, особенно брошенные злой рукой, могут. Сидела бы ты лучше дома, в безопасности.

– Некрасивым мачехиным дочкам тоже надо есть, – сказала Изабель, чувствуя, как ее щеки заливают краска стыда.

Старуха уныло покачала головой:

– Люди не забудут. И не простят. Для девушки быть некрасивой – уже преступление. Верь мне, я стара и много повидала. Например, я видела, как одна бесчестная девушка украдала столько сокровищ, что хватило бы на королевскую казну, но ее простили за красивую улыбку. Другая грабила дилижансы, наставляя ружье на людей, но вышла из тюрьмы как ни в чем не бывало – из-за своих густых, длинных ресниц. Да что там, я знала одну молоденькую убийцу, которую спасли от виселицы сочные губки и ямочки на щеках: судья влюбился в нее по уши. Но что делать некрасивым? Ах, дитя мое, этот мир создан для мужчин. К некрасивой девушке он беспощаден.

Слова старухи ножами вонзались под ребра Изабель. И ранили так больно, что скоро она уже смагивала слезы.

– В детстве мне казалось, что мир создан для меня, – сказала она.

– Детям всегда так кажется, – с сочувствием в голосе ответила старуха. – И безумцам. Но ты ведь не сумасшедшая, да и не маленькая. Так что будь осторожнее. Вряд ли эти девушки еще раз осмелятся напасть на тебя, но другие могут.

– Благодарю вас, мадам, – ответила Изабель. – Я у вас в долгу.

– И можешь немедленно рассчитаться со мной, – сказала старуха и показала на повозку Изабель. – Что, если я попрошу подвезти меня? Мы со служанкой с вечера сидим на постоялом дворе, а я все никак не могу найти того, кто отвез бы нас на ферму, к моей родственнице.

– Конечно, я отвезу вас, мадам... э, мадам... – Изабель замялась, сообразив, что не знает, как к ней обращаться.

– Мадам Северина. Я прихожусь двоюродной бабушкой бедному месье Ле Бене⁷, который скончался месяц тому назад, упокой, Господь, его душу. «Тетя Северина», – называл он меня в детстве. Ну или попросту «тетушка». Ты тоже можешь звать меня так, дорогая. Мне нужно к Ле Бене.

Изабель просияла:

– Нет ничего проще, мадам. Ле Бене – наши соседи. Какое совпадение! – воскликнула она, радуясь, что может услужить женщине, которая была так добра и спасла ее от мучительниц.

– Да, действительно совпадение, – сказала та. Уголки ее губ изогнулись в улыбке, но глаза смотрели по-прежнему сурово.

Изабель сказала, что ей надо дождаться сестру. Как только та появится, они отправятся на постоянный двор, заберут вещи и служанку мадам, а оттуда поедут на ферму.

– Зови меня Тетушкой, – поправила ее старуха.

– Хорошо, Тетушка, – повторила Изабель. – Может быть, присядете?

– Не откажусь. Старые кости быстро устают.

Изабель помогла ей забраться в повозку и устроиться на деревянном сиденье. Почему-то она прониклась теплым чувством к этой старой женщине.

– Спасибо тебе, дитя мое, – сказала Тетушка. – Думаю, мы станем с тобой подружками.

– Счастье, что наши пути пересеклись, – ответила Изабель.

Старуха покивала головой. Погладила Изабель по руке:

– Да, многие скажут, что нам помогла удача. Но не я. Как по мне, это судьба.

⁷ Benêt – простак (фр.).

Глава 18

Был почти полдень, когда Изабель с Тави и Тетушкой, сидевшей на деревянной скамье между ними, выехали из деревни. Солнце стояло высоко, август дышал жаром.

Лоска⁸, служанка Тетушки, тоненькая девушка с крючковатым носом, блестящими глазами и черными волосами, заплетенными в длинную косу, сидела позади них, на сундуке хозяйки. За всю дорогу она не произнесла ни слова; только разглядывала местность вокруг, наклоняя голову то к одному плечу, то к другому, и помаргивала.

Мартин плелся так медленно, как только мог, и Тетушка успела рассказать девушкам о том, зачем она приехала в Сен-Мишель.

– Все из-за Фолькмара, – мрачно сказала она. – Я ведь живу в Париже, а он намеревается его взять. Король укрепил город, но люди все равно уезжают толпами. Вот и я решила пожить здесь, у родственников. Так надежнее. Очень важно всегда следовать самым надежным путем.

– Ле Бене будут рады, что вы добрались до них в добром здравии, – сказала Тави. – Наверное, они уже беспокоятся.

– Они понятия не имеют о моем приезде, – ответила Тетушка. – Мы не так уж близки. Честно говоря, я ни разу в жизни не видела мадам Ле Бене. Просто ее муж – родственник моего мужа. Покойного. Он недавно умер.

Изабель и Тави выразили свои соболезнования. Тетушка поблагодарила их.

– По завещанию муж оставил месье Ле Бене немного денег, – продолжила она. – Теперь я ломаю голову над тем, что мне с ними делать. Мне говорили, что у четы Ле Бене есть сын, Гуго, но я ничего о нем не знаю. Взгляну сначала, что он за человек, а уж потом решу, отдавать ему деньги или нет.

«Удачи тебе», – подумала Изабель. Она знала Гуго с детства. Пару раз он играл с ней и Феликсом в пиратов, но его лицо за толстыми стеклами очков даже тогда оставалось угрюмым. За все годы их знакомства он перебросился с Изабель от силы тремя словами. А для Тетушки у него может не найтись ни одного.

Солнце поднималось все выше, Мартин обиженно тащил повозку мимо лугов, пшеничных полей и фруктовых садов, а старая женщина все болтала и болтала. Она как раз описывала девушкам свой элегантный дом в Париже, когда деревенскую тишину прорезал чей-то крик, прерывистый и тонкий.

Изабель встрепелась. Тави подскочила на месте. Обе встревоженно переглянулись и завертели головами, ища источник звука. Лоска перегнулась через боковину повозки так, что едва не вывалилась, и вытянула шею.

– Это оттуда, – сказала Тетушка и показала вперед.

Навстречу им, перевалив через вершину холма, двигался армейский фургон, запряженный двумя крепкими крестьянскими лошадками. Несмотря на расстояние, Изабель разглядела, что мундир возницы весь в красных пятнах. Когда фургон подкатил ближе и девушка увидела, что у него внутри, она вскрикнула от испуга.

Позади возницы, даже не прикрытые от лучей палящего солнца, ехали раненые, человек тридцать. Раны были тяжелыми. Пропитанные кровью повязки покрывали головы и торсы. У одного не было руки, у другого – ноги. На отдельном сиденье лежал несчастный, у которого вместо ног была каша. Он и кричал. Фургон подпрыгнул, попав колесом на ухаб, и раненый снова завопил.

Когда фургон проехал, оказалось, что Тави сидит, вцепившись обеими руками в деревянную лавку, а руки Изабель дрожат так, что ей пришлось изо всех сил вцепиться в поводья

⁸ Losca – выглядящая подозрительно (*ит.*).

Мартина. Тетушка поджала губы, и ее рот превратился в одну тонкую линию. Никто из троих не сказал ни слова.

Изабель вспомнилась ее книга, «Иллюстрированная история великих военачальников мира». Они с Феликсом подолгу просиживали над ней в детстве, разглядывая большие цветные картинки с изображениями великих битв. Как празднично и весело выглядело все на них, какими могучими и смелыми представляли солдаты! Но в страданиях, которые она наблюдала только что, не было ничего веселого. Наоборот, они ошеломили ее, вызвали почти физическую тошноту. Она попыталась представить себе человека, ответственного за все это. Фолькмара. Кажется, люди говорили, что он герцог. Какой он? Носит ли он ордена? Или ленту через плечо? Ездит ли верхом? Есть ли у него меч?

И вдруг Изабель мысленно перенеслась в другое место. Пропала дорога, пропали каменные стены вдоль обочин, пропали кусты роз, ронявшие из-за них лепестки. Навстречу ей летел на боевом коне некто огромный и могущественный. Белый дым стлался вокруг него, скрывая лицо, зато Изабель хорошо видела меч в его руке, огромный и острый, точно бритва. И снова дрожь прошла по ее телу, как уже было сегодня на рынке.

Но тут заговорила Тави, и морок развеялся.

– Куда их везут? – спросила она.

– В военный лагерь за Сен-Мишелем. Я слышала, как о нем говорили в деревне, – ответила Изабель, стряхивая жуткий морок и страх, которые оставило по себе видение.

– Немало таких фургонов я повидала по дороге из Парижа, – сказала Тетушка. – Ах, девочки, боюсь я, что эта война для нас добром не кончится. Наш король молод и неопытен, а Фолькмар коварен и жесток. Войска у него немного, и все равно он на каждом шагу утирает нос королевским солдатам.

Все трое снова умолкли. Мерно топотал Мартин, поскрипывала повозка, гудели насекомые. Вскоре они достигли фермы Ле Бене. Пыльная подъездная дорога вела к каменному дому. На окнах – занавески, полупрозрачные от ветхости, ставни покосились. Перед облупившейся синей дверью копались в пыли куры.

Коровник и сыроварня, тоже каменные, примыкали вплотную к дому. За ними, на обнесенном изгородью выгоне, пасся скот, а еще дальше курчавилась капуста, зеленели картофель, репа и лук, длинными рядами уходя к опушке Дикого Леса.

Лоска выпорхнула из повозки раньше, чем та полностью остановилась. Пока Изабель помогала Тетушке спуститься, а Тави открывала задник повозки, чтобы сгрузить ее сундук, мадам Ле Бене, чьи обноски были такими же ветхими, как ее занавески, а нос облупился от солнца так же, как ее дверь, вышла поприветствовать приехавших – если, конечно, это можно было назвать приветствием.

– Чего надо? – рявкнула она и зыркнула на них так, что, упави ее взгляд на горшок с молоком, оно бы тут же скисло.

– Мы привезли вашу тетушку, мадам, – сказала Изабель, кивая на Тетушку. – Она и ее служанка приехали сюда аж из Парижа.

Мадам Ле Бене сощурилась; ее лицо помрачнело еще больше.

– Нет у меня никаких тетушек, – ответила она.

– Меня зовут мадам Северина, я прихожусь двоюродной бабушкой вашему покойному мужу, – объяснила Тетушка.

– Муж ничего про вас не говорил.

– И неудивительно. Между нашими семьями была вражда, столько крови мы испортили друг другу...

Мадам Ле Бене грубо ее перебила:

– Что, за дуру меня держите? Теперь, когда в Париже жареным запахло, в Сен-Мишель что ни день наезжают всякие попрошайки, притворяются забытыми родственниками, потерян-

ным коленом. А самим только и нужно, что пожить да пожрать на дармовщинку. Нет, мадам, прошу меня простить. Здесь вас никто не ждет. Вы со своей служанкой нас совсем объедите.

«Объедят? Вас? – подумала Изабель. – Вот эта сухонькая старая дама? И ее служанка-заморыш?»

Но она смолчала и, опустив голову, стала вертеть пряжку на упряжи Мартина. Она боялась даже взглянуть на мадам, чтобы та не заметила, как вытаращились от негодования ее глаза.

Вся деревня знала, что Авара⁹ Ле Бене – скупердяйка. У нее во владении были не только обширные поля, но также два десятка кур-несушек, десять молочных коров, ягодные кусты, яблоневый сад и большущий огород. Каждую субботу она торговала на рынке, выручая целое состояние, а сама только и делала, что жаловалась на бедность.

– Ах, как печально слышать, что у вас не найдется местечка для меня, – горестно вздохнула Тетушка. – Видно, придется передать наследство другой ветви семейства.

Мадам Ле Бене тут же наострила уши – так охотничья собака делает стойку на утку.

– Наследство? Какое наследство? – отрывисто переспросила она.

– То самое, которое мой покойный муж поручил мне передать вашему покойному мужу. Я думала отдать его вашему сыну, но...

Мадам Ле Бене хлопнула себя по лбу раскрытой ладонью.

– Тетушка Северина! – закричала она. – Ну конечно! Муж так часто о вас вспоминал! И с такой любовью! Вы, должно быть, устали с дороги. Пойдемте, я налью вам чаю.

– Да по ней сцена плачет, – шепнула Тави сестре.

Мадам Ле Бене услышала это.

– А вы чего тут отдыхаете? – рявкнула она. – Берите сундук да несите в дом!

С большим трудом Тави и Изабель спустили сундук с тележки и втащили в дом. Изабель надеялась, что Лоска им поможет, но та стояла в стороне у замученного розового куста и как замороженная разглядывала сидевшего на нем кузнечика – можно подумать, в жизни ничего подобного не видела. Мадам показала Тави и Изабель маленькую спальню, куда они должны были затащить сундук, и рысью помчалась в кухню заваривать чай. Когда девушки вернулись к повозке, Тетушка все еще топталась возле нее.

Тави взобралась на облучок и села, а Изабель замешкалась.

– Как вы думаете, с вами все будет в порядке? – спросила она у старухи.

– Все будет прекрасно, – уверила ее та. – С Аварой я справлюсь. Еще раз спасибо, что не отказались подвезти меня.

– Ничего особенного. Спасибо вам, что помогли мне избежать верной смерти от руки Сесиль, – криво улыбнувшись, ответила Изабель.

И она повернулась, чтобы взобраться на повозку, но Тетушка ухватила ее за руку. Изабель изумилась тому, какими сильными и цепкими оказались старые скрюченные пальцы.

Несколько мгновений они стояли молча, глядя друг другу в глаза и не двигаясь. Судьба без сердца и души, прах Александрии на подошвах ее сандалий, пепел Помпей – на подоле, красная глина Сианя – на рукавах. Древняя, как само время. Не знающая ни начала ни конца.

И смертная девушка. Простая, обыкновенная. Немного нежной плоти, обгрызенные ногти да сердце, бьющееся в хрупкой клетке из костей.

Изабель понятия не имела о том, в чьи бездонные глаза она смотрит. Не знала она и того, что Судьба решила во что бы то ни стало выиграть пари, любой ценой.

– Нам пора ехать, Тетушка, – повторила она. – Вы уверены, что с вами ничего здесь не случится?

Судьба кивнула. И сжала на прощание руку Изабель.

⁹ Avare – скупой (фр.).

– Да. Надеюсь, с вами тоже. И остерегайся тех, кто бежит сюда из Парижа, дитя, – добавила она. – Не все беженцы – безобидные старые курицы вроде меня. Попадаются и негодяи, которых хлебом не корми – дай сбить неопытную девушку с пути истинного. Так что будь осторожна. Закрывай ставни на ночь. Запирай дверь на засов. И главное, никогда и ни в чем – ни в чем, слышишь? – не доверяй шансу.

Глава 19

Много часов спустя, далеко к югу от Сен-Мишеля, в поле, под дубом, за скатертью голубого дамасского шелка сидели оперная дива, волшебница и актриса и ели фрукты и сласти.

Вокруг них играли музыканты. Жонглер подбрасывал в воздух горящие факелы. Шпаголотатель залпом проглотил саблю. Три шумных капуцина скакали вверх и вниз по ветвям дуба, а четвертый сидел на скатерти и не сводил глаз с жемчужного ожерелья на шее дивы.

– Осторожнее. Маленький разбойник уже замышляет следующую кражу, – предупредила ее волшебница.

– Нельсон! – обратилась к обезьянке дива и погрозила пальчиком. – Даже не думай...

Ее слова потонули в громком реве.

– Готово?

– Нет! – грянул ответный хор.

Три женщины обернулись, ища источник переполоха. Шанс, уперев руки в бока, стоял у большого, ярко раскрашенного экипажа. Плащ он сбросил. Белая сорочка с рюшами распахнулась у ворота, длинные локоны он подобрал на затылке, связав чьим-то шнурком. На лбу блестели капли пота.

На крыше кареты – и на плечах друг у друга – стояли четыре акробата. Нижний, самый крепкий, упирался могучими ногами в крышу, верхний держал у глаза подзорную трубу.

– Давай ты, – скомандовал пятому Шанс, знаком отправляя его на крышу. – Полезай и скажи, что видишь.

Мгновение спустя щуплый мальчишка уже проворно карабкался по живой пирамиде.

– Ну, есть там что-нибудь? – крикнул мальчику Шанс, когда тот взял подзорную трубу из рук предпоследнего акробата. – Ты ищешь деревню Сен-Мишель. Там есть церковь со статуей архангела...

– Не вижу!

Шанс ругнулся.

– Ты следующий! – сказал он второму щуплому мальчишке.

– Еще один? – сказала дива и отвернулась. – Не могу на это смотреть.

Шанс и его друзья заблудились. Кучер правил экипажем наугад и где-то свернул не туда. А все потому, что у него не было карты: Шанс терпеть их не мог. Говорил, что они портят удовольствие. Уже смеркалось, деревни Сен-Мишель все не было, а Шанс строил пирамиду из акробатов в надежде, что они ее увидят.

Дива взяла пирожное «макарон» из хорошенькой бумажной коробочки, которая стояла посреди скатерти, и впиалась в него зубами. Хрупкая меренга раскрошилась; крошки посыпались в вырез платья. Обезьянка тут же вскочила певиче на плечо и сунула лапку в декольте.

– Нельсон, нахаленок! – воскликнула она и шлепнула его по лапе.

Но тот обвил мохнатыми лапками ее шею, прижался мордочкой к щеке, словно поцеловал, и был таков. Не будь певичка так раздосадована его выходками, она могла бы заметить, как что-то волочится за ним по траве.

– Старая карга наверняка уже там. Нутром чую, – сказала волшебница, нервно вертя в своих тонких длинных пальцах серебряную монету, которая то исчезала из виду, то появлялась снова.

– Если она встретит девушку прежде, чем до нее доберется Шанс, то наверняка отравит ее душу сомнениями и страхами, – подхватила дива.

– А эта Изабель, она сильная? – поинтересовалась актриса.

– Я слышала, что да, – откликнулась волшебница. – Достаточно ли она сильна, вот в чем вопрос.

– Он так считает, – сказала дива и кивнула в сторону Шанса. – Но это как посмотреть. Сами знаете, чего стоит вырваться из лап старой карги. Всякому, кто это задумает, придется выдержать настоящую битву, и нам с вами это известно не понаслышке. А в битве случаются и раны.

И она подняла рукав. Безобразный шрам змеился по ее руке, от запястья до самого плеча.

– От моего отца, на память. Он погнался за мной с ножом и ударил меня, когда я сказала, что не пойду в монастырь, как он того хотел, а поеду в Вену и буду учиться пению.

Волшебница отогнула ворот жакета и тоже показала шрам, блестящий, синевато-багровый, прямо под ключицей.

– Камень. Пущен рукой священника, который называл меня дьяволицей. А все потому, что горожанам мои чудеса нравились больше, чем его.

Пальцы актрисы потянулись к золотому медальону, пристегнутому к ее куртке над сердцем. Открыв его, она показала другим миниатюру – двое очаровательных детишек, девочка и мальчик.

– Это не шрам, но рана, которая никогда не исцелится, – сказала она, и в ее глазах заблестели слезы. – Мои дети. Судья отнял их у меня и отдал пьянице-мужу. Ведь только безнравственная женщина выставляет себя напоказ на сцене.

Волшебница притянула актрису к груди, поцеловала в щеку и утерла ей слезы платком. Потом скатала платок в комочек и зажала его между ладоней. Когда она снова раскрыла их, платок исчез, а на его месте шевелила крыльями большая белая бабочка.

На глаза у трех женщин бабочка вспорхнула, и ветер понес ее в поле.

Она пролетела мимо обезьянки, которая забавлялась с ниткой жемчуга. Мимо скрипача и трубача, мимо повара, ученого, мимо трех балерин – у всех были свои шрамы.

Мимо человека с янтарными глазами, который ярился на наступающий вечер. Ругательски ругал предательницу-дорогу. И продолжал строить башню из людей.

Улыбка, не столь заметная, но дерзкая, раздвинула полные губы волшебницы.

– Вот так мы поступаем со своей болью, – сказала она, следя за полетом бабочки. – Пре-вращаем ее в нечто прекрасное.

– В нечто значительное, – добавила дива.

– Не даем ей пройти бесследно, – прошептала актриса.

Глава 20

Когда спустилась ночь, Судьба пила ромашковый чай в компании мадам Ле Бене, Шанс все еще искал дорогу в Сен-Мишель, а Изабель, стоя у себя на кухне, с тревогой поглядывала на сестру.

Как и всегда по вечерам, Тави сидела у очага с раскрытой книгой на коленях. Однако сегодня морщинки на ее лбу казались глубже, круги под глазами – темнее.

Тави с детства жила среди книг, не пуская никого в свой мир, но с тех пор, как уехала Элла, она еще глубже ушла в себя. Порой Изабель казалось, что сестра гаснет, подобно углям в очаге, и она уже начинала бояться, что в один прекрасный день, обернувшись, увидит вместо Тави кучку пепла, которая разлетится от первого же сквозняка.

Сестры были погодками и внешне очень походили друг на друга: медно-рыжие, лобастые, с веснушчатым носом и глазами цвета крепкого кофе. При этом Тави была выше и тоньше в кости, а Изабель отличалась более крепким сложением. Характерами они разнились куда сильнее. Тави была отстраненной и сдержанной, Изабель – совсем наоборот.

Раскладывая на тарелке ломтики ветчины, яблока, хлеба и сыра, чтобы отнести их наверх, в спальню матери, Изабель ломала голову над тем, как разговорить сестру.

– Что ты читаешь, Тав? – поинтересовалась она.

– «Краткую книгу восполнения и противопоставления» персидского ученого Аль-Хорезми, – не поднимая головы, ответила Тави.

– То-то я вижу, увлекательное чтение – не оторваться, – поддразнила ее Изабель. – А кто такой этот Аль-Хорезми?

– Отец алгебры, – ответила Тави, оторвавшись наконец от страницы. – Хотя многие полагают, что на это же звание мог претендовать и греческий математик Диофант.

– Забавное слово – «алгебра». Тебе так не кажется? – ляпнула Изабель наугад, лишь бы не дать Тави снова уйти в молчание.

Тави улыбнулась:

– Арабское. «Аль-джабар» по-арабски значит «воссоединение разделенных частей». Аль-Хорезми верил, что разделенное всегда можно соединить, главное – правильно составить уравнение. – Ее улыбка слегка померкла. – Если бы это было верно и для людей...

Она хотела что-то добавить, но ее прервал пронзительный окрик, прозвучавший со стороны двери:

– Изабель! Октавия! Почему вы еще не одеты? Мы опаздываем на бал!

В кухню шагнула Маман, неодобрительно поджав губы. Она была в атласном платье цвета зимнего неба, в плохо причесанных волосах торчало белое страусиное перо. Бледное лицо; глаза, сверкающие лихорадочным блеском. Руки, как две голубки, порхали по телу – то поправляли волосы, то принимались теревить нитку жемчуга на шее.

При виде ее сердце Изабель упало – после отъезда Эллы мать так и не пришла в себя. Иногда к ней возвращались решительность и властность. А временами, вот как сейчас, на нее находило. Она полностью погружалась в прошлое. Собиралась то на званый ужин, то на бал, а то и во дворец.

– Маман, вы перепутали день, – сказала наконец Изабель и постаралась улыбнуться как можно увереннее.

– Не глупи. Вот приглашение.

Маман протянула ей карточку из слоновой кости, пожелтевшую, с погнутыми уголками. Изабель сразу ее узнала; эту карточку они получили много месяцев назад.

– Да, верно, – весело сказала она. – Но, видите ли, Маман, этот бал уже давно прошел. Мать устала на строчки, вырезанные на кусочке слоновой кости.

– Да... я забыла взглянуть на дату... – сказала она тихо.

– Идемте. Я помогу вам снять платье. А потом вы наденете удобную ночную сорочку и ляжете.

– А может быть, это ты путаешься в датах, Изабель? – спросила ее мать; тиранические нотки в ее голосе сменились робкими.

– Нет. Я все помню точно. Возвращайтесь к себе. А я принесу ужин, – уговаривала ее девушка, положив ладонь ей на локоть.

Но мать, вдруг снова взбеленившись, стряхнула ее руку.

– Октавия, немедленно положи книгу! – воскликнула она. – Этими цифрами ты только глаза себе испортишь. – Она стремительно прошла через кухню и вырвала у Тави книгу. – Честное слово! По-твоему, мужчины только и думают: «О, как бы мне повстречать девушку, которая умеет вычислять X?» Лучше пойд и оденься. Нельзя заставлять графиню ждать!

– Бога ради, Маман, хватит! – оборвала ее Тави. – Этот бал давным-давно прошел, а если бы и не прошел, мы все равно не нужны графине. Мы никому теперь не нужны!

Маман застыла на месте. Долго молчала. Когда она все же заговорила, ее голос был не громче шепота.

– Конечно, мы нужны графине. Почему нет?

– Да потому, что она знает, – сказала Тави. – Знает про Эллу и про то, как мы с ней обращались. И она ненавидит нас. Как и вся деревня. Да что там деревня, вся страна! Мы теперь изгой!

Маман прижала руку ко лбу. Закрыла глаза. Когда она открыла их снова, лихорадочный блеск сменился прежней трезвой ясностью. Однако проступало и что-то еще – гнев, холодный, беспощадный гнев.

– Тебе кажется, что ты очень умна, Октавия, но ты ошибаешься, – заговорила она. – Еще до принца пять женихов приходили ко мне просить руки Эллы. Пять. Хотя я и превратила ее в кухонную замарашку. А сколько раз у меня просили твоей руки, знаешь? Ноль. Вот и реши это уравнение, дорогая.

Уязвленная Тави отвела взгляд.

– Что, скажи на милость, ты будешь делать с этой своей наукой? – продолжала мать, потрясая в воздухе книгой. – Станешь профессором? Ученым? Но это все только для мужчин. И кто станет тебя кормить, если я уйду, так и не найдя тебе мужа? Что ты будешь делать? Пойдешь в гувернантки, станешь спать на чердаке в нетопленной комнате и есть остатки с хозяйского стола? Или заделаешься белошвейкой, чтобы день и ночь класть один крошечный стежок за другим, пока не ослепнешь? – Маман брезгливо встряхнула головой. – Даже в лохмотьях Элла была бриллиантом по сравнению с тобой. Она была красивой, ласковой, а ты? Совсем иссушила себя своими цифрами, формулами, уравнениями никчемными. Пора положить этому конец. Так я и сделаю.

С этими словами Маман шагнула к очагу и швырнула книгу в огонь.

– Нет! – крикнула Тави. Она вскочила со стула, схватила кочергу и попыталась спасти книгу, но поздно – пламя уже обугливало страницы.

– Одевайтесь, вы, обе! – закончила Маман, победоносно выходя из кухни. – Жак! Подавай экипаж!

– Тави, ну вот надо было ее расстраивать? – сердито воскликнула Изабель. – Маман! – крикнула она, выбегая из кухни вслед за матерью. – Где вы?

Она застала мать в передней: та пыталась распахнуть парадную дверь, все еще призывая Жака и экипаж. Прошла целая вечность, прежде чем Изабель уговорила ее вернуться наверх. В спальне она тут же стянула с матери платье и налила ей стакан бренди, чтобы та успокоилась. Попробовала ее накормить, но Маман отказалась. Наконец Изабель уложила ее в кровать, но, когда она уже накрывала мать одеялом, та вдруг села и схватила ее за руку.

– Что будет с тобой и твоей сестрой? Скажи мне! – настаивала она, и в глазах ее был страх.

– С нами все будет в порядке. Как-нибудь справимся. Отчим ведь оставил нам денег, разве нет?

Маман рассмеялась. Безднадежно, устало.

– Ваш отчим не оставил нам ничего, кроме долгов. Я продала Рембрандта. Большую часть серебра. Кое-что из моих драгоценностей...

Изабель почувствовала себя очень усталой. Болела голова.

– Не надо сейчас об этом, Маман, – сказала она. – Ложитесь лучше спать. Завтра поговорим.

Вернувшись в кухню, она застала Тави у очага: та стояла на коленях и пристально смотрела в огонь. Изабель взяла у нее из рук кочергу и попыталась вытащить книгу из очага, но было уже поздно.

– Не надо, Из. Оставь ее. Поздно, – сказала Тави так, словно у нее перехватило горло.

Сердце Изабель заныло, когда она услышала это. Спокойная, уравновешенная Тави никогда не плакала.

– Извини. Я только хотела помочь, – сказала она, опуская кочергу.

– Правда? Ну тогда причеши меня, да получше, – убитым голосом отвечала Тави. – Наружу мне щеки. Сделай меня красивой. Сможешь?

Изабель не ответила. Ах, если бы только она могла сделать сестру красивой. Да и себя тоже. Какими яркими, новыми красками заиграла бы тогда их жизнь!

– Так я и думала, – продолжала Тави, не отрывая глаз от праха любимой книги. – Я могу решить все уравнения Диофанта, продолжить бесконечный ряд Ньютона, завершить анализ простых чисел Эйлера, и все без толку. – Она повернулась к Изабель. – Элла – красавица. А ты и я – страшные мачехины дочери. Вот к какому наименьшему общему знаменателю привел нас, всех троих, этот мир.

Глава 21

В глубине Мезон-Дулёр, взмахивая маятником, как косой, отсчитывали минуты старинные напольные часы.

Маман и Тави уже легли, но Изабель не спалось. Она знала, что будет лишь напрасно ворочаться и метаться в постели, а потому осталась в кухне и теперь сидела у очага, неохотно ковыряя еду, которую приготовила вечером для Маман.

Когда-то она любила ночь. Спускалась во двор по толстой виноградной лозе, что вислась по стене у окна ее спальни, и встречалась с Феликсом. Вместе они смотрели в ночное небо и считали падающие звезды, а иногда, если хватало терпения сидеть неподвижно и им везло, можно было увидеть, как охотится сова или как из Дикого Леса выходит олень с рогами, венчающимися благородную голову, точно корона.

Теперь темнота страшила Изабель. Всюду ей чудились призраки. В окнах и в зеркалах. В отражении на боку медного котла. Скрип дверей заглушал чьи-то шаги. Колышущиеся занавески обрисовывали контуры тел. Но дело было не в темноте, а в самой Изабель. Призраки – это не мертвецы, встающие из могил, чтобы мучить живых; призраки всегда с нами. Они внутри нас: греются на пепелищах наших печалей, нежатся в жирной, топкой грязи наших жалоб.

Вот и теперь, пока Изабель смотрела на умирающие в очаге угли, вокруг нее толпились призраки.

Она видела Эллу, Тави, себя и Маман в карете. Маман осыпала Эллу комплиментами.

– До чего же хорошо ты выглядишь сегодня! – мурлыкала она. – Видела, какими восхищенными глазами смотрел на тебя сын мэра?

Эта картина сменилась другими. Вот Маман нахмурилась, поглядев на шитье Тави, и сказала, что та не выпустит иголки из рук до тех пор, пока не получится так же красиво, как у Эллы. Сморщилась, услышав пение Изабель, и тут же попросила спеть Эллу.

Зависть, обида, стыд – крошечные уколы, которые Маман наносила сердцам Тави и Изабель так долго, что те наконец стали кровоточить. Маман была хитра; она была проницательна. Начала рано. Продвигалась неспешно. И знала, что даже крохотная ранка, оставленная без внимания, рано или поздно загноится, превратится в нарыв, от которого почернеет сердце.

Явились новые призраки. Призрак черного жеребца. Призрак юноши. Но видеть их было невыносимо, и Изабель встала, чтобы отнести тарелку к раковине.

Часы били полночь, когда она поднялась из-за стола, удары зловещим эхом отзывались по всему дому. Изабель сказала себе, что пора и честь знать, но тут же вспомнила, что не заперла дверь в конюшню, да и курятник тоже не мешало бы закрыть. Из-за переполоха с Маман она обо всем забыла.

Прихрамывая, она подошла к очагу, чтобы поворошить угли, и заметила какое-то быстрое движение. Это была мышка – она осмелилась выйти из норки и теперь, сидя у самой решетки очага, добывала что-то из щели между камнями. Пока она скреблась там, к ней подбежали два крошечных мышонка. Еще миг, и мама-мышь поднялась на задние лапки и ликуяще пискнула. В передних лапках она сжимала зеленое чечевичное зерно. Раскусив его на две части, она вручила по одной каждому мышонку, и те принялись жадно грызть.

Чувство вины запустило свои тонкие, острые пальцы в сердце Изабель, когда та сообразила, откуда взялась чечевица возле очага.

Элла слышала, как Маман рассказывала Тави и Изабель о бале, который устраивал принц, пригласив на него всех девушек королевства. Она спросила, нельзя ли поехать и ей, на что Маман схватила миску, полную чечевицы, и высыпала ее в очаг.

– В этой миске была тысяча зерен. Выбери их из золы все до единого, тогда поедешь, – сказала она, и жестокая улыбка искривила ее губы.

Это была невозможная задача, но Элла справилась. Теперь Изабель поняла как: ей помогли мыши. Когда она принесла чашку с чечевицей Маман, та выхватила ее из рук Эллы, высыпала содержимое на кухонный стол и не поленилась пересчитать все зернышки. А потом победно заявила, что зерен всего девятьсот девяносто девять и Элла не поедет на бал.

«Каково было Элле совсем одной, когда ее друзьями были только мыши?» – подумала Изабель. И тут же почувствовала такую боль в груди, точно ее ударили ножом, – зачем спрашивать, каково Элле было тогда, ведь теперь она сама это знает.

Мышата уже съели свои половинки зерна и снова глядели на мать, но у той больше ничего не было. Сама она не поела.

– Подождите! – крикнула Изабель мышам. – Не уходите! – Она заспешила к тарелке с остатками пищи, но двигалась так неуклюже, что только напугала зверьков; те бросились врассыпную. – Подождите! Куда же вы! – крикнула им вслед Изабель, чье сердце разрывалось от боли. Она схватила с тарелки кусочек сыра и, хромая, вернулась к очагу, но мышей уже не было видно. – Вернитесь, – повторяла она, высматривая их повсюду. – Пожалуйста.

Опустившись на колени перед очагом, она положила сыр на камень у самой решетки. Потом вернулась к своему стулу и села. Ждала. Надеялась. Но мыши не возвращались. Наверное, боялись, что она их обидит. Почему бы и нет? Ведь именно так она делала раньше.

В ее ушах зазвучали непрошенные голоса, слышанные сегодня на рынке. Тетушка, говорящая, что люди не забудут и не простят. Сесиль, называющая Изабель страшной. Но хуже всего были слова жены пекаря: «Вы были жестоки к незащитной девушке».

Раскаяние гибкой змеей свернулось вокруг сердца Изабель. И сдавило его своим длинным, узким телом. Слезы потекли по ее щекам. Она сидела, склонив голову, и не увидела тени, которая вдруг упала в кухню через окно, заслоненное снаружи чьей-то фигурой. И руки, бледной, как лунный свет, которая прижалась к стеклу.

Когда Изабель подняла голову, тень уже исчезла. Промокнув глаза, она встала. Ее ждали конюшня и курятник. Она захромала к двери, взяла фонарь, висевший на гвозде у самого входа, зажгла его и шагнула в ночь, окутанная печалью, словно саваном.

Подожди Изабель еще несколько секунд, и она увидела бы, как мышка-мать выскользнула из тени и снова приблизилась к очагу. Увидела бы, как изголодавшаяся зверушка принялась за сыр. И, жадно подрагивая усиками, подняла мордочку к окну, за которым снова скользнула тень.

А затем мышка вздрогнула. И убежала.

Глава 22

Изабель радовалась тому, что у нее есть фонарь.

Было полнолуние, но луна как раз скрылась за тучами. В свое время она могла пройти по двору и окрестностям Мезон-Дулёр хоть с закрытыми глазами, однако с тех пор, как она в последний раз выходила из дому ночью, утекло немало воды.

Надворные постройки располагались к западу от дома. Дорожка из плоских белых камней провела Изабель через лужайку перед домом, обогнула старую липу и, нырнув сквозь калитку в деревянной ограде, побежала вниз с некрутого холма.

Петух Бертран приоткрыл один глаз и подозрительно глянул на Изабель, когда та посветила фонарем в курятник. Быстро пересчитав кур, девушка заперла дверь и поспешила к конюшне. Там одиноко дремал в своем стойле Мартин. Когда Изабель вошла, он поглядел на нее, раздраженно фыркнул и снова погрузился в сон. Изабель заперла конюшню и поковыляла назад, к дому.

Это случилось, когда она уже затворяла калитку.

Откуда ни возьмись налетел легкий ночной ветерок, который тут же превратился в крепкий, зловредный ветер. Он растрепал девушке волосы, вырвал калитку из ее рук, хлопнул ею и задул фонарь. А потом сразу стих.

Изабель, вздрогнув, прижала руку к груди. К счастью, ветер заодно разогнал и облака. Белые камни дорожки, которая петляла в траве, светились в лунном свете, так что идти было легко. Когда она уже подходила к липе, отягощенные листвою ветви качнулись от легкого дуновения, и девушке показалось, будто дерево манит ее к себе.

Изабель подошла еще ближе, думая о голубке, которая дважды предупреждала принца об обмане. Откуда она взялась? Может, свила на липе гнездо и сейчас смотрит на нее оттуда? От этой мысли девушке стало не по себе.

Опустив на траву фонарь, она подняла голову и стала рассматривать дерево, вспоминая дни, когда она играла в его кроне, карабкалась по ветвям и, представляя, будто это мачта пиратского корабля или стена вражеской крепости, лезла все выше и выше.

Призраки, которые она гнала от себя раньше, снова окружили ее. Вот она в детстве бесстрашно карабкается на дерево, которое подставляет ей зеленые ветви, словно заботливые руки. Вот Тави с грифельной доской и уравнениями, вот Элла с венками из ромашек. Как невинны были они тогда, все трое. И как хорошо им было втроем. И сами они были хорошие и добрые и ни в чем не уступали друг другу.

Раскаяние, давно сжимавшее сердце, в этот миг едва не раздавило его.

– Простите меня. Я так перед вами виновата, простите меня, – прошептала она трем маленьким девочкам, изнемогая от боли и чувства потери. – Как бы мне хотелось, чтобы все было по-другому. Чтобы я сама стала другой.

Листва над ее головой зашептала и вздохнула. На миг девушке показалось, что дерево пытается что-то сказать ей. Надо же, какая глупость. Покачивая головой, она пошла к дому.

Но успела сделать только шаг, и тут... что-то шевельнулось в темноте.

Изабель застыла. Ее сердце, наоборот, отчаянно забилось.

Она была не одна.

Кто-то стоял в тени липового дерева.

И смотрел на нее.

Глава 23

От темноты отделилась фигура.

Изабель, чье сердце все еще билось часто, увидела, что это женщина – высокая, гибкая, с бледным, точно из кости вырезанным лицом. Длинные каштаново-рыжие волосы падали ей на плечи. Голову венчала корона из шиповника. На ней трепетали сине-зелеными крылышками лесные мотыльки. Желтоглазый ястреб сидел на плече женщины. Глаза ее отливали изумрудом, а губы казались черными. Платье позаимствовало свой цвет у мха.

В руках у женщины был живой кролик: он вырывался, а она держала его за загривок. Не сводя с Изабель глаз, она поднесла к лицу извивающуюся добычу, вдохнула ее запах и облизала губы. Сверкнули острые зубы.

Изабель никогда не видела ее, но сразу узнала.

В детстве Элла часто рассказывала истории о таинственном существе, живущем в норе между корней старой липы. Иногда оно оборачивалось женщиной, а иногда – лисицей. Оно было диким, волшебным и прекрасным и в то же время жестоким и хитрым. Изабель всегда считала, что это просто сказки.

До этой самой минуты.

Женщина улыбнулась ей – так же как раньше улыбнулась кролику, выхватив его из зарослей клевера на лужайке. И стала приближаться, медленно, шаг за шагом.

Внутренний голос кричал: «Беги!», но Изабель стояла как вкопанная, не в силах сдвинуться с места. Перед ней был не эльф из волшебной сказки, порхающий с цветка на цветок на прозрачных стрекозиных крылышках. И не уютная домашняя фея-крестная, сыплющая стишками и цветущая улыбками. Перед ней было существо таинственное и опасное.

Танакиль, королева фей.

Глава 24

– Ты звала меня, – сказала она, останавливаясь в двух шагах от Изабель.

– Я... я н-нет. Нет. Я н-не знаю. Разве я з-звала? – заикалась Изабель, глядя на нее расширенными от ужаса глазами.

Глаза Танакиль темно сверкнули. Зубы ее вблизи казались еще более хищными. Пальцы – еще длиннее из-за острых черных когтей.

– Меня призывало твое сердце. – Она сухо засмеялась. – Вернее, то, что от него осталось.

Королева фей приложила бледную руку к груди Изабель и склонила голову набок, прислушиваясь. Даже сквозь платье Изабель чувствовала прикосновение изогнутых когтей. Сердце под ладонью Танакиль забилося еще быстрее. Оно уже не стучало, а грохотало. Девушка даже испугалась, что вот сейчас королева вырвет его из ее груди и сердце, окровавленное, будет биться у нее в ладони.

Но вот Танакиль опустила руку.

– От него отрезали кусок, кусок и еще кусок, – сказала она. – Сердце Эллы таким не было.

«Откуда она знает?» – поразилась Изабель и мигом все поняла.

– Так это была ты, – прошептала она изумленно. – Это ты помогла Элле попасть на бал!

А они-то с Тави ломали головы, где сводная сестра взяла карету, лошадей, лакеев, кучера, платье и хрустальные туфельки в придачу. И как она потом выбралась из своей комнаты, где ее заперла Изабель, поджидая принца. Теперь она знала ответ.

– Подумаешь, превратить тыкву в карету, мышей в коней, а пару ящериц в ливрейных лакеев... детская забава, – фыркнула Танакиль. И снова уставилась на кролика.

Пульс Изабель опять участился. «Если ей ничего не стоит превратить тыкву в карету, на что еще она способна?» – мелькнула у нее мысль. Изабель даже забыла про страх. В ее душе вспыхнула надежда.

– Пожалуйста, ваша милость, – взмолилась она. – Помогите и мне тоже.

Танакиль с неохотой оторвала взгляд от кролика.

– Помочь Элле было легко, но я ничего не могу сделать для такой девушки, как ты. Внутри тебя – сплошь чернота и горечь. Они заполняют пространство, которое занимало твое сердце, – сказала она и отвернулась.

Изабель рванулась за ней.

– Нет! Подождите! Пожалуйста!

Королева фей стремительно обернулась, уголки губ приподнялись в хищной усмешке.

– Зачем, девочка? Элла знала, чего хочет ее сердце. А ты?

Изабель осеклась, но надежда придала ей смелости. Желания вскипели в ее душе, рожденные воспоминаниями о том времени, когда она была счастлива. Перед ее внутренним взором проносились книги и мечи, кони, Дикий Лес. Летние дни. Венки из ромашек. А еще она вспомнила поцелуй и клятву.

Изабель открыла было рот, чтобы попросить у феи все это, но прикусила язык, прежде чем слова успели сорваться с него.

То, чего ей хотелось больше всего, сильнее всего, неизменно оказывалось чем-то неправильным... не тем, чего нужно было хотеть. Желания всегда доводили ее до беды. Разбивали ей сердце. Ведь все, чего хотела она, предназначалось другим. Так сказал ей мир. Зачем же начинать снова? Зачем опять причинять себе боль?

Хотя есть, пожалуй, одна вещь, которая может изменить многое. Люди перестанут ненавидеть ее, Изабель. Она станет такой, какой ее хотела видеть Маман, получит то, чего от нее требовали и жена пекаря, и Сесиль, и все в деревне, и старый купец, и ухажеры, приходившие к ним в дом, вообще все.

Изабель взглянула прямо в глаза Танакиль и сказала:

– Я хочу быть красивой.

Рычание заклокотало в горле королевы, и Изабель подумала, что, должно быть, ошиблась с ответом, но королева не сказала «нет», а лишь ответила:

– Желания просто так не исполняются. Их надо заслужить.

– Я сделаю все, что угодно, – пылко сказала Изабель.

– Все смертные так говорят, – заметила Танакиль и презрительно усмехнулась. – Все готовы делать что угодно. Что угодно, только не то, что нужно. То единственное, что избавит тебя от внутренней горечи. Сделай это, и я, может быть, помогу тебе.

– Я сделаю все, что надо. Клянусь! – сказала Изабель, складывая ладони вместе и сплетая от нетерпения пальцы. – Что я должна сделать?

– Найди потерянные куски своего сердца.

Глава 25

Изабель моргнула.

– Найти куски сердца? – переспросила она так, словно не расслышала. – Я... н-не понимаю. Как можно найти куски сердца? А Элла как это сделала?

– Элле этого не понадобилось.

Изабель нахмурилась:

– Ну еще бы. Ей-то все досталось за улыбку, не сомневаюсь.

Эти слова, подсказанные обидой, были язвительными и грубыми. Взгляд изумрудных глаз Танакиль стал жестким; она отвернулась.

Страх взорвался в душе Изабель, точно хрупкий стеклянный сосуд раскололся о плиты пола. Ну когда она научится следить за своим языком?

– Простите меня. Объясните, что это за куски. Как мне найти их. Пожалуйста, – взмолилась она и побежала за королевой.

Танакиль сжалась:

– Ты знаешь, о чем я говорю.

– Нет! – вскрикнула Изабель. – Я понятия не имею!

– И свой путь к ним ты тоже должна найти сама.

– Но как? Покажите мне, – в отчаянии упрасивала ее Изабель. – Помогите.

Не выпуская вырывавшегося кролика, Танакиль наклонилась к корням липы и свободной рукой поворошила мелкие косточки, рассыпанные в траве. Выбрав одну, хрупкую, принадлежавшую когда-то стремительному и коварному зверьку вроде куницы или ласки, она подала ее Изабель вместе со скорлупкой от лесного ореха. Затем потянулась к ползучему шиповнику, обвивавшему ствол липы, аккуратно сняла с усеянного острыми шипами ствола колючую коробочку с семенами и тоже протянула девушке.

– Эти дары помогут тебе найти то, чего хочет твое сердце, – сказала Танакиль.

Изабель смотрела на предметы, лежавшие у нее на ладони, и чувствовала, как эмоции, дотоле сдерживаемые, сжигают ее изнутри, как лихорадка ослабляет все крепкое и надежное, что еще оставалось в ней. Кровь вскипела, в животе забурлило, кости стали хрупкими, как старая штукатурка. Она забыла, что просила прощения всего минуту назад. Злые, завистливые слова снова сорвались с ее уст.

– Дары? Вот это – дары? – закричала она, глядя на косточку, скорлупку и коробочку с семенами. – Как Элле, так платье и хрустальные туфельки! Карету с лошадьми. Настоящие подарки! А как мне, так пригоршню сора с земли!

Она подняла голову, но Танакиль уже отвернулась. Прямо на глазах у девушки она обратилась в красно-зеленый вихрь из мшистого платья и рыжих волос – и втянулась в нору меж корней липы. Изабель шагнула было за ней, но пока она неуклюже переступала с ноги на ногу, раздался высокий, мгновенно оборвавшийся вопль – предсмертный крик кролика. Девушка отпрянула.

И вновь оглядела то, что лежало у нее на ладони. Она не сомневалась, что королева фей дала ей все три предмета нарочно, чтобы подразнить, и от этого было особенно больно.

– Страшная, – сказала она, коснувшись пальцем косточки. – Никому не нужная. – Она провела пальцем по скорлупке. – Колючая, – закончила она, уколовшись о коробочку с семенами. – Как я.

Утром она бросит их в очаг. Пойдут на растопку – хоть какая-то польза. А пока Изабель сунула их в карман юбки и направилась к дому, уверенная в том, что для нее нет ни надежды, ни спасения. Есть лишь отчаяние, давящее и тяжелое, поселившееся там, где когда-то билось ее сердце.

Есть люди, и их немало, которые будут сражаться не опуская рук, пока остается хотя бы призрак надежды. Их называют храбрыми. Но лишь немногие способны не опустить рук там, где надежды нет никакой. И вот их-то называют воителями.

Изабель тоже была однажды такой, просто она забыла.

Вспомнит ли она? Пока не похоже. Но вещи всегда не похожи на себя ночью. Самые темные часы перед рассветом лишили мужества не одного человека. В отсутствие солнца пламя свечей отбрасывает на стены наших душ причудливые тени, способные превратить мышь в огромное чудовище, а маленькую неудачу – в катастрофу.

И если ночью тебе придет охота повеситься – что ж, таков твой выбор.

Вот только отложи поиски веревки до утра.

Когда взойдет солнце, ты сможешь придумать ей лучшее применение.

Глава 26

Изабель поднялась к себе, чтобы лечь спать, а Судьба тем временем бродила по Дикому Лесу.

У поваленного дерева она остановилась, сняла с трухлявого ствола многоножку и откусила ей голову.

– Превосходно, – сказала она, слизывая с губ крошечные черные капли. – Горькая кровь – горькие чернила.

Опустив извивающееся тело в корзинку, которая висела на локте, Судьба подняла голову и, взглядевшись в сплетение ветвей, сказала:

– Мне нужен волчий корень. Смотри в оба, вдруг увидишь. Веточка белладонны тоже не помешает.

Ворон, сидевший на ветке сосны, вдруг сорвался с места и полетел прочь, а Судьба пошла дальше. Вскоре в ее корзинку попали жирный коричневый паук, замшелый череп летучей мыши, белые цветки царицы ночи и пятнистые поганки – ингредиенты для новых чернил.

Задержавшись у выбеленных временем оленьих ребер, она толкнула их ногой в надежде выгнать каких-нибудь жуков, когда рядом с ней на землю опустился ворон. Миг, и птица стала девушкой в черном платье – она таращила круглые блестящие глаза и вертела головой. В корзинку Судьбы упал пучок фиолетовых цветов.

– А! Ты отыскала белладонну. Молодец, Лоска. Ее ягоды придают особый лоск самым темным сортам чернил, таким как Сомнение или Отречение. Разумеется, чтобы изменить карту жизненного пути этой девицы, мне придется сначала вернуть ее. Шанс считает, что перепишет ее, но это может оказаться не так уж легко. Ты его, кстати, не видела?

Лоска помотала головой.

– Он явится. Не было еще случая, чтобы Шанс отказался от ставки. Конечно, я выиграю это пари, но придется помучиться. Он непредсказуем, и это помогает ему брать верх, пусть и ненадолго. Едва завидя его, смертные теряют головы. И начинают вести смотр своим надеждам и мечтам, глупцы. Он и впрямь заставляет их поверить, будто они что-то могут. – Она прищелкнула языком. – А он еще имеет наглость называть меня жестокой.

И Судьба снова неспешно двинулась вперед, поддевая носком башмака разные находки, иногда останавливаясь, чтобы порыться в земле, радуясь, что можно провести пару часов вдали от унылого дома скупой мадам Ле Бене. Лоска брела за ней. Занятые поисками ингредиентов, они даже не заметили, как оказались на краю Дикого Леса, пока не услышали голоса.

– Что это здесь? – пробормотала Судьба, глядя в сплетение ветвей невысокого раскидистого дерева.

Скоро она разглядела, что стоит на верхушке невысокого холма: заросший травой склон полого уходил вниз, превращаясь в обширное пастбище. Весь он, насколько хватало глаз, был разлинован рядами белых парусиновых палаток. Там и сям мерцали небольшие костры. Где-то протяжно заржала лошадь. В чьих-то руках выводила печальную, но сладкую мелодию скрипка.

Судьба набросила на голову широкий темный капюшон. Ей захотелось подойти к лагерю полковника Кафара и взглянуть поближе.

– Подержи-ка, – сказала она и повернулась, чтобы передать девушке корзинку.

Посмотрев на помощницу, она заметила, что изо рта у той свисает хвостик змейки. Судьба нахмурилась.

– Сколько раз тебе говорить, нельзя есть ингредиенты, – прошипела она строго.

Пристыженная Лоска втянула в себя хвост и проглотила бедную тварь целиком, как ребенок глотает спагетти.

– Иди за мной и не шуми, – предупредила ее Судьба. Лоска кивнула.

Не желая быть замеченными, обе женщины, молодая и старая, жались к краю лагеря. Несмотря на поздний час, у многих костров еще сидели люди, которым не спалось. Говорили о Фолькмаре и о том, что каждый из них сделал бы с ним, если бы захватил живьем. В их словах Судьба слышала браваду, в глазах читала страх. Закаленный в боях седой сержант надеялся поднять боевой дух новичков рассказами о подвигах, совершенных на поле брани, но тут тишину ночи нарушил крик – пронзительный, полный страдания и боли.

Судьба услышала хлопанье крыльев и тут же почувствовала, как что-то опустилось ей на плечо. Корзина, которую несла Лоска, лежала на земле.

– Ну, ну, тише, девочка, тише. Тут нечего бояться, – забормотала она, поглаживая птицу по спинке.

Подняв корзинку, она отправилась на поиски источника звука. И обнаружила его на краю пастбища, там, где расположился лагерный лазарет. На узких походных койках лежали и стояли от боли люди: одни, смертельно раненные, корчились в агонии, другие металась в лихорадочном бреду. Меж ними ходили врач и его помощник: резали, зашивали, давали снадобье, дарующее забвение, обтирали потные лбы.

А следом за ними от койки к койке двигалась какая-то женщина.

Стройная, грациозная, она была одета в платье цвета ночи, с длинными летящими рукавами и большим стоячим воротником. Длинные темные волосы спускались до пояса. Здесь, среди раненых, она выглядела настолько неуместно, что ее фигура поневоле притягивала взгляд, и все же никто, кажется, не замечал женщины.

Снова вскрикнул мужчина. Сначала он звал свою любимую, потом стал просить о смерти. Женщина склонилась над ним, опустилась на колени, взяла его за руку. С ее прикосновением голова раненого запрокинулась, широко раскрытые глаза уставились в небо, измученное тело замерло.

Женщина встала, обернулась, и глазам Судьбы предстало то же, что за миг до этого видел солдат: не лицо, а череп – зияющие черные провалы глазниц, рот, растянутый в широкой, лишенной веселья ухмылке. Кивнув Судьбе, она отошла к другому солдату, мальчику лет шестнадцати, который плакал и звал свою матушку.

– У Смерти сегодня много работы, – сказала Судьба сурово, – ей не до любезностей.

Судьба увидела все, что хотела, и, повернувшись к лагерю спиной, медленно вернулась под надежный покров Дикого Леса. На опушке она обернулась и бросила последний взгляд на лагерь и спящую деревню за ним.

– Фолькмар где-то здесь. Я его чую, – сказала она. – Прячется среди холмов и оврагов. Все ближе с каждым днем. Что ждет этих бедных, ничего не подозревающих людей?

Птица на ее плече взъерошила перья. И прицелкнула клювом.

– Кто в этом виноват? Ах, Лоска, ты еще спрашиваешь? – сурово произнесла Судьба. – Разумеется, *он*. Он, и никто другой. Разве этот самоуверенный желтоглазый дурак чему-нибудь учится?

Глава 27

Изабель, с опухшими со сна глазами, с нечесаной косой, натянула через голову чистое платье и стала застегивать пуговицы.

Спала она плохо, всю ночь ей не давал покоя образ Танакиль. К рассвету она уже верила, что королева фей ей просто приснилась. И таких существ не бывает на свете.

Но когда она наклонилась и подняла с полу вчерашнее платье, чтобы бросить его в корзину для белья, что-то выскользнуло из кармана. Изабель снова нагнулась. Предмет оказался небольшим, всего в два дюйма длиной, черным, покрытым короткими колючками.

Коробочка с семенами.

Она сунула руку в карман и нашла там еще две вещички: ореховую скорлупку и косточку. Дрожь прошла по ее телу при воспоминании о том, откуда они взялись. Значит, темное, таинственное создание, встреченное вчера под липой, не было видением.

«Я хочу быть красивой», – сказала она королеве фей. А та велела найти потерянные куски ее сердца.

Один за другим Изабель внимательно осмотрела подарки. Танакиль сказала, что они помогут ей, но как? При свете дня ничего не прояснилось. «Может быть, они тоже должны превратиться во что-нибудь», – сказала она себе. Разве сама Танакиль не сказала, во что превратила тыкву и мышей для Эллы?

Она повертела в руке скорлупку. «Из этого может выйти шляпка», – подумала она. Скользнув пальцем по острым зубкам на косточке, она решила, что из нее может получиться модный гребень. Но сколько Изабель ни ломала голову над колючей шишковатой коробочкой, ей так и не удалось придумать, как та может превратиться во что-то красивое.

Расстроенная, Изабель сунула все три вещицы в карман, а грязное платье бросила в корзину. Надела башмаки и стала спускаться по лестнице. Загадкам королевы фей придется подождать. Пора приниматься за дела.

В передней ей ударил в ноздри горький густой аромат. «Тави уже встала и варит кофе», – подумала она. – Надеюсь, яичницу тоже сделала».

Прошли те дни, когда она спускалась утром к столу, ломившемуся от яств. Теперь, когда им с Тави хотелось есть, приходилось готовить еду собственными руками.

Летом с этим просто. Куры несутся каждый день, ветки фруктовых деревьев ломаются от плодов, да и на огороде растет много хорошего. А что они будут делать зимой? Пару дней назад Изабель решила, что надо попробовать себя в мариновании овощей, и Тави обещала помочь. Почему бы не начать сегодня? На огороде полно огурцов, и соль вчера купили на рынке. Если у нее все получится, то в погребе будут пикули – чем не еда на зиму? И она распахнула дверь кухни, ожидая увидеть на столе приготовленный сестрой завтрак.

Но не увидела ничего.

Кроме беспорядка, от которого захватывало дух.

Глава 28

Тави сидела за длинным деревянным столом и смотрела в увеличительное стекло.

На столе перед ней стояли тарелки и миски с едой. Испорченной. Ломтик хлеба порос пушистой плесенью. Молоко в чашке скисло. Кожица на сливе сморщилась.

– Что ты делаешь, Тави? Гадость какая! – воскликнула Изабель.

Ее сестра частенько ставила эксперименты, но до сих пор они касались в основном рычагов, досок и лебедек, а не плесени.

Тави опустила лупу.

– Я ищу маленький, возможно, даже одноклеточный организм, – ответила она взволнованно. – Несколько дней назад я выставила все это в кладовой на верхнюю полку. Конечно, мой выбор не случайно пал на самую верхнюю полку: теплый воздух ведь поднимается, а значит, способствует росту и размножению этого самого организма. И вот, посмотри, какой успех!

Изабель наморщила нос:

– Но зачем?

Тави усмехнулась.

– Рада, что ты спросила, – сказала она. – Видишь ли, господствующая теория происхождения болезней гласит, что их вызывают миазмы, или дурной воздух, который поднимается от гниющей материи и вдыхается нами. Но я полагаю, что причиной болезни становится некий организм, невидимый глазу, передающийся от больного человека к здоровому. – И она показала на стопку книг на столе. – Достаточно почитать, что пишет Фукидид о чуме в Афинах. Или Джироламо Фракасторо в труде «О контагии и контагиозных болезнях».

– Хорошо, я спрошу иначе. Почему этот организм надо искать именно сейчас? Мы ведь собирались сегодня заняться засолкой огурцов. И ты обещала мне помочь.

– Вот именно поэтому, – ответила Тави. – Как только ты заговорила о сохранении еды на зиму, я сразу задумалась о сопутствующих процессах – механических, химических, биологических.

– Ну конечно, – сказала Изабель, пряча улыбку.

Она была так счастлива снова видеть румянец на щеках сестры и огонь в ее глазах, что даже не сердилась за беспорядок. По опыту она знала, что лишь одно может оторвать Тави от математики – естественные науки.

Глядя на сестру, Изабель дивилась, как у людей язык поворачивается называть ее некрасивой. Ей хотелось сказать Тави, что, когда ее глаза так блестят и она так увлеченно рассказывает о чем-нибудь, у нее, Изабель, захватывает дух. Так же как от вида сокола в полете. Или тихого озера на утренней заре. Или полной луны в ясном зимнем небе. Но не сказала – мешал комок в горле.

– Взять, например, джем, – продолжила Тави. – Фрукты проходят обработку теплом, и в них добавляют сахар, так?

Изабель сглотнула. И кивнула.

– Может быть, поэтому джем никогда не портится? Значит, высокая температура убивает микроорганизмы? А что с ними делает сахар? И как на них действует маринад? Уксус тоже прекращает их рост? От вида организма и от среды, в которой он живет: в молоке, капусте, тесте или в человеческом теле, зависит, получим мы сыр, кислую капусту, хлеб или Черную смерть! – ликующе закончила Тави. – Но что это за организм, Из? Мне до смерти хочется узнать. А тебе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.